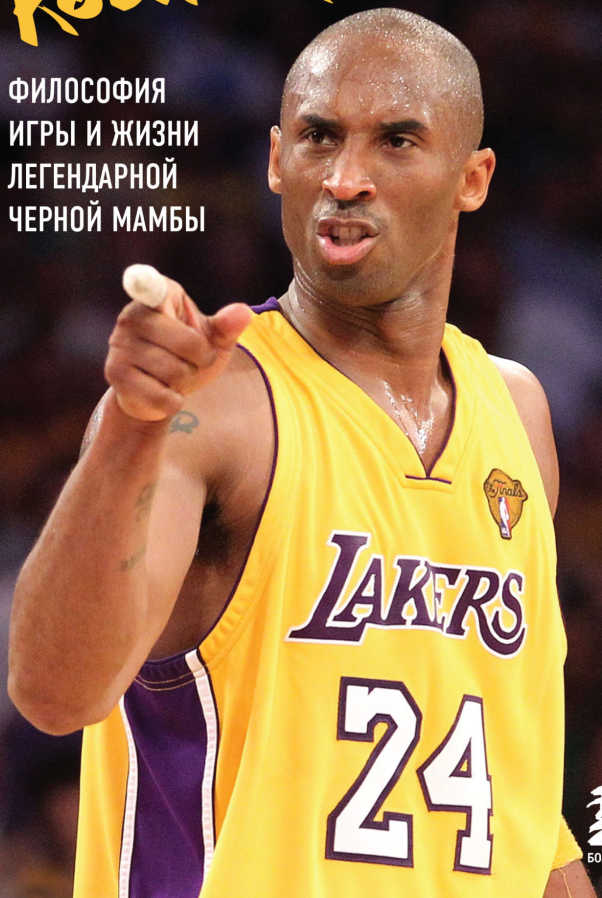

РОЛАНД ЛАЗЕНБИ

КОБИ БРАЙАНТ

ФИЛОСОФИЯ
ИГРЫ И ЖИЗНИ
ЛЕГЕНДАРНОЙ
ЧЕРНОЙ МАМБЫ

БОМБОРА

Роланд Лазенби
Коби Брайант. Философия
игры и жизни легендарной
Черной Мамбы
Серия «Иконы спорта»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68962185

Коби Брайант. Философия игры и жизни легендарной Черной Мамбы:

Эксмо; М.; 2023

ISBN 978-5-04-184529-2

Аннотация

Коби Брайант был огнем баскетбола, его сердце билось во имя игры, работал Брайант ради успеха, а играл для фанатов. Смыслом всего была радость от побед за любимую команду.

Пятикратный чемпион НБА, самый результативный игрок в истории «Лос-Анджелес Лейкерс», двукратный олимпийский чемпион в составе сборной США, многократный участник Матча всех звезд НБА и обладатель кинопремии «Оскар».

Перед вами биография скандального, талантливого, трудолюбивого, харизматичного баскетболиста, который обрел фанатскую базу по всему миру.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	7
Вступление: Единственный одинокий	16
Часть I: Нужно быть желе, потому что джем не трясется	23
Глава 1: Попался	23
Глава 2: Отцовство	35
Из Джорджии	38
Неприятности повсюду	43
Глава 3: Подростки времен радости	54
Дебаты	60
«Эксплорерз»	66
Глава 4: Пэм и Мармелад	74
Баскетбольная любовь	79
Контракт	85
Глава 5: Отряд бомбометателей	90
Суд	102
Часть II: Вундеркинд	110
Глава 6: Коби Бин	110
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Роланд Лазенби

Коби Брайант. Философия игры и жизни легендарной Черной Мамбы

Посвящается черным и белым – и всем чудесным оттенкам между ними, Элле Мэй Остин и Роджеру Дэвису, Доку Фостеру и Эстелле Хэмптон, всем тем, кто благословляет нас, давая миллионам людей драгоценные жизненные уроки, и моей прекрасной спутнице многих лет, Карен, которая выше всех похвал и определений, моим детям Джессике, Генри и Моргану и внукам Лайаму и Эйдену.

Светлой памяти Джинни Лазенби Мастен.

© 2014, by Full Court Press, Inc. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved.

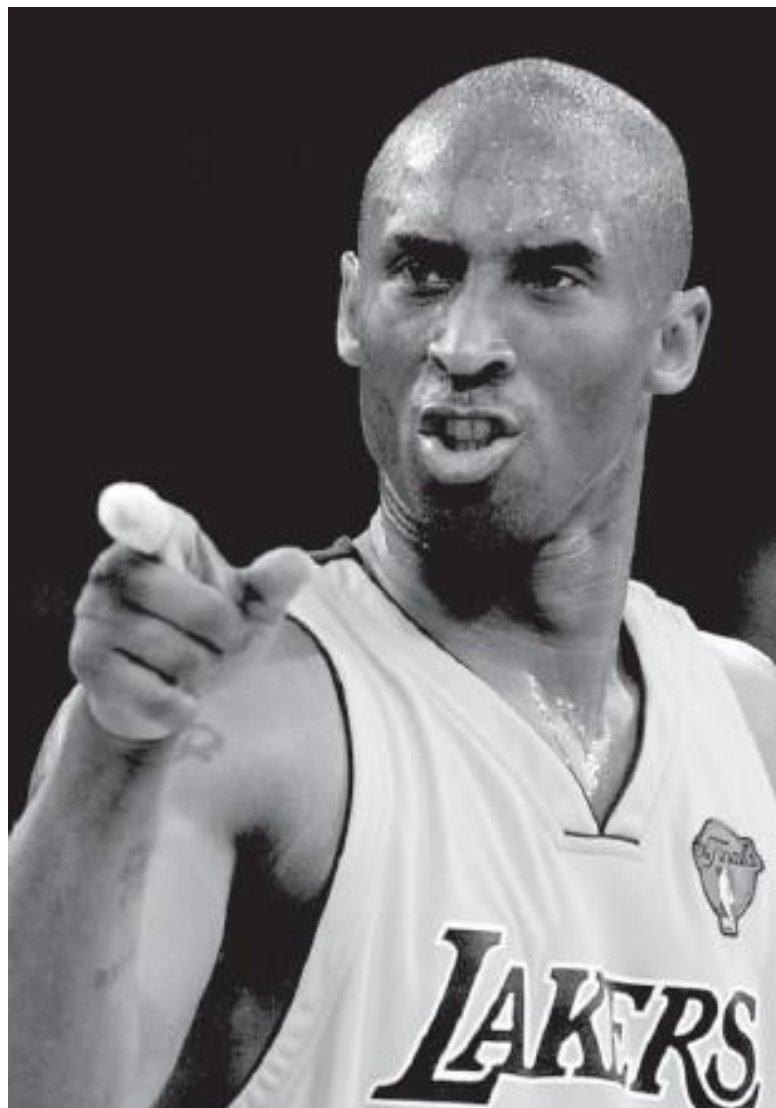
© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2023

Предисловие

Поначалу он производил впечатление веселого ребенка. Но он таким, конечно же, не был. Коби Бину Брайанту пришлось изрядно потрудиться, чтобы все думали, что его ничего небеспокоит.

Особенно в тот беспокойный первый сезон.

Я был там в тот вечер, когда он сделал свой первый бросок в НБА – трехочковый – в декабре 1996 года в Шарлотт Колизеум.

После игры он влетел в раздевалку и поделился со мной волнением души, бегаящими по телу мурашками, сведенными от тяжелой работой кончиками пальцев. Он понятия не имел, кто я такой. Просто какой-то парень с блокнотом и диктофоном. Но ему не терпелось рассказать о себе всему миру.

Позже в том же сезоне я сидел с ним наедине в пустой раздевалке в Кливленде. Он ждал своей очереди, чтобы принять участие в соревнованиях по броскам сверху¹ на пятидесятом юбилейном Уик-энде Всех Звезд НБА², коротая свободное

¹ *Англ.* slam dunk, или слэм-данк, или данк – мяч, забитый одной или двумя руками сверху прямо в кольцо, то есть без бесконтрольного перемещения мяча в воздухе. – *Прим. ред. здесь и далее.*

² *Англ.* NBA All-Star Game – ежегодная игра сильнейших действующих баскетболистов НБА. Формат «Все звезды» (All-stars) используется для всех уровней

время перед выходом на площадку.

Мы обсуждали его статус молодого человека с плаката, из поколения новых талантов, приходящих в НБА, большая часть из которых очень молода – самая молодая группа игроков, которая когда-либо приходила в лигу. Он говорил о трудностях, ожиданиях, опасностях, многочисленных искушениях в большом, плохом Лос-Анджелесе для игрока, которому было всего восемнадцать лет.

Он рассказал о том, как сильно заявление Мэджика Джонсона о его ВИЧ-инфекции в 1991 году повлияло на него, парня тринадцати лет; о том, как он избегал соблазнов, которые, как позже признался сам Джонсон, заставляли его спать с тремя-пятью сотнями человек каждый год.

«Со мной все просто, – сказал мне Брайант, – потому что я очень многого хочу добиться в своей жизни».

Действительно, буквально через несколько минут после нашей расслабленной вдумчивой беседы он вышел из раздевалки, чтобы энергично выступить и выиграть соревнование по броскам сверху, которое разожгло пламя его и без того раскаленных добела амбиций.

На следующий год его выберут игроком стартового состава Матча Всех Звезд, несмотря на то, что он даже не был игроком старта в «Лейкерс». За этим последовал катастрофический сезон 1999 года, в котором владелец «Лейкерс» Джерри Басс потерял контроль над чрезвычайно талантлив

вой командой, которая, казалось, шла в никуда.

В разгар хаоса своего третьего сезона Брайант выглядел очень потерянным, одиноким, разочарованным двадцатилетним парнем.

«Я просто хочу быть *тем самым*, – сказал он мне, подтверждая свою цель стать лучшим игроком НБА. – Я не знаю, как у меня получится это сделать. Я просто должен найти способ этого добиться».

И у него это получится, несмотря на то, что в то время подобная цель казалась нереальной. Когда в 2016 году он приблизился к концу своей карьеры, Брайант мог оглянуться на цифры, которые он набрал за двадцать сезонов, и объявить, что заработал «место за столом» с величайшими игроками этой игры. В 2015 году он обошел своего кумира Майкла Джордана и занял третье место в списке лучших бомбардиров лиги, уступая только Кариму Абдул-Джаббару и Карлу Мэлоуну. Более того, Брайант помог «Лейкерс» завоевать пять титулов НБА, провел восемнадцать матчей в составе команд Всех Звезд и завоевал две золотые олимпийские медали.

Хотя в тот вечер, когда он был новичком в Кливленде, он сказал, что не знает, как он доберется до вершины, – он на самом деле утаил ответ, который знал с самого начала. Он собирался проложить себе дорогу туда, неумолимо и безжалостно вечер за вечером, матч за матчем пробиваясь сквозь трудности игры, пока не станет доминирующим игро-

ком, способным перехитрить всех остальных.

История его карьеры – беспрецедентные двадцать лет в одной команде НБА – свидетельствует о том, что Брайант, обособленный и бескомпромиссный, блестящий и уверенный в себе, оказался великой загадкой американского профессионального баскетбола. Он, несомненно, самый энергичный игрок в истории баскетбола, тот, кто в течение многих сезонов среди инсайдеров спорта имел твердую репутацию абсолютного мастера анализа игры и интенсивной подготовки атаки, при этом с исключительным вниманием к деталям, удивляющим окружающих. В свою очередь, его жизнь также оказалась цепью постоянных серьезных конфликтов, и почти все это было побочным продуктом его стремления доминировать в спорте.

Вечер за вечером, день за днем, в течение двух десятилетий, через травмы и смятения, через разрыв одних ключевых отношений за другими, не будет такой цены, которую он бы не заплатил, чтобы стать великим.

Так он стал тем, кого снова и снова описывали как «самого противоречивого игрока в НБА», попеременно ненавидимого и любимого огромной частью болельщиков профессионального баскетбола.

С самого раннего возраста его отец, бывший игрок НБА Джо Мармелад Брайант, стремился воспитать в своем сыне абсолютную уверенность. Главным образом именно она оставалась его фирменным знаком.

Эта безраздельная, непоколебимая вера в себя была единственной чертой, по которой Брайант явно превосходил своих современников, говорил психолог Джордж Мамфорд, который много работал как с Джорданом, так и с Брайантом. «Это ставит его в его собственную категорию».

Его уверенность оставалась всегда абсолютной, потому что Брайант практически исключил любой вызов ей, объяснил Мамфорд. «Он не позволит себе иметь дело с противоположными взглядами».

Она вела Брайанта через его ранние проблемы в подростковом возрасте в НБА, сквозь все его сражения с товарищами по команде и тренерами, через обвинения в изнасиловании в 2003 году, через его конфликты с родителями и отчуждение от них, а затем через его битвы с серьезными травмами. Это было основой его 81-очковой игры, его многочисленных победных бросков, его выступлений на уровне MVP³, его полного отсутствия угрызений совести по поводу большого количества бросков, которые он мог совершить в данный вечер. Во многом это было причиной того, что Брайант регулярно практиковал в своей карьере игру через такую боль, которая легко переводила бы других в список травмированных, сказал Мамфорд.

Эта уверенность также была ответственна за другую важную сюжетную линию в карьере Брайанта – его разрыв с товарищем по команде Шакилом О’Нилом, несмотря на их

³ MVP, наиболее ценный игрок.

успех, который приведет «Лос-Анджелес Лейкерс» к трем титулам НБА подряд в период с 2000 по 2002 год. Во многом именно его отношения с гигантским центровым выковали основу его соревновательного духа, который подталкивал Брайана к конфликтам, почти в каждой фазе его жизни.

Прозвище «Понторез» О’Нил дал Брайанту, когда тот был новичком, жаждущим показать свои навыки бросков сверху и способность добраться до кольца.

Брайанту очень не нравилось это прозвище. Он считал, что оно унижает его, характеризует как человека, которому не хватает соревновательной честности, что было обвинением, которое часто предьявлялось его отцу на протяжении многих лет, в основном шепотком в кулуарах профессионального баскетбола. Тем не менее прозвище также отражает огромную любовь к игре, которую Брайант разделял со своим отцом, и их удовольствие от игры в яркой, развлекательной манере.

«Мой отец играл в баскетбол, и это было у меня в крови с самого детства, – объяснил Брайант. – Я любил играть в баскетбол. Я занимался и другими видами спорта, но никогда не получал того удовольствия, которое я получаю, играя в баскетбол».

В детстве он проводил много часов, наблюдая, как его отец выпендривается в итальянской лиге, куда он ушел после преждевременного краха своей профессиональной карьеры в Америке.

«Мне было интересно наблюдать, как люди реагировали на его движения и его харизму, когда он играл, – однажды сказал мне Брайант. – Я вроде как хотел испытать то же самое чувство. С другой стороны, это было типа круто, когда он играл. Он был Мармеладом Брайантом».

Сэм Райнс, его главный тренер в команде Любительского спортивного союза, видел такую же сильную страсть в сыне, когда тот сам был подростком.

«Ему это нравилось, он занимался этим с удовольствием, – говорил Райнс. – Коби хочет быть в центре внимания, он хочет быть в центре площадки, его одежда была одной частью этого желания, походка – другой, разговоры – третьей. К тому времени, когда он перешел в десятый класс, он уже был шоуменом. Он был невероятным шоуменом, поскольку развлекал людей».

Альтер эго к Понторезу будет прозвище Черная Мамба, которое Брайант сам себе придумал, чтобы противостоять общественному неодобрению после обвинений в сексуальном насилии. Брайант ухватился за образ змеи-убийцы в фильме Квентина Тарантино как за идеальное воплощение своей якобы столь же безжалостной к соперникам натуры.

Позже в своей карьере он стал изображать это явление как захват и внедрение «злодея» в свою не терпящую конкуренции природу. Он от души рассмеялся, когда в передаче «Реальный спорт» телеканала НВО ему выложили заявление бывшего товарища по команде Стива Нэша о том, что Брай-

ант был «гребаной сволочью».

«Описание правдиво», – признал он.

Несмотря на то, что он принял свою субличность как трудного, требовательного внутреннего конкурента, Брайант смягчил этот свой подход в своем прощальном турне во время выездных игр на аренах по всей лиге. Это был чрезвычайно тяжелый для «Лейкерс» сезон 2015/16 годов, полный проигрышей и разочарований.

Во всяком случае, финальная игра Брайанта в НБА в апреле 2016 года как зеркало отразила его любовь к этой игре вместе с замашками позерства, когда он в конце карьеры боролся с безнадежно проигрышной ситуацией, забивая бросок за броском и набрав 60 очков, ведя своих «Лейкерс» к удивительной победе над «Ютой Джаз».

На первый взгляд, эта игра была бессмысленной в провальном сезоне для обеих команд, которые не смогли выйти в плей-офф. Но сама игра волшебным образом возвысилась над сухими цифрами и стала праздником любви, которую фанаты в Лос-Анджелесе питали к Брайанту и его способности творить волшебство в любом матче. В течение многих лет он был в Лос-Анджелесе первым во всем, что касалось баскетбола. С его великими умениями, которые к концу сильно сократились, он каким-то образом умудрился завершить последнюю главу самым театральным триумфом, показав себя самым умопомрачительным артистом в именно том городе, который ценит театральные способности превы-

ше всего остального.

То, что написано ниже – «Понторез», – моя попытка запечатлеть его увлекательную, во многом поучительную историю, рассказанную многими ее свидетелями на протяжении многих лет.

После публикации этой биографии, в 2016 году, ему всего тридцать восемь лет и Брайанта ждет еще одна карьера уже после своих игровых дней. Он построил несколько медиа-компаний в надежде, что после баскетбола он сможет вернуться к новой карьере писателя и продюсера. Каким бы ни был в ближайшие годы выбранный им путь, кажется логичным ожидать, что Брайант продолжит быть амбициозным и агрессивным в своих начинаниях, бесстрашно и уверенно переживая и преодолевая ключевые моменты в своей новой карьере, какими бы они ни были.

Если так, то я надеюсь, что он сможет начать новую жизнь так, как в ту ночь его первой большой игры в Шарлотт. С душевным волнением и большими, яркими глазами, устремленными в будущее.

Роланд Лазенби

Август 2016

Вступление: Единственный одинокий

Филадельфия

15 июня 2001 года

Все атрибуты его триумфа прямо здесь, среди липких, сладких брызг дорогого шампанского.

Блестящий, огромный, фаллически оформленный золотой шар трофея Национальной баскетбольной ассоциации 2001 года свободно покоится в его руках. Это приз, который Коби Брайант жаждал, как никто другой, абсолютное сокровище для неустанно навязчивых конкурентов и альфа-самцов, погруженных в американскую профессиональную игру.

Свежеотчеканенная официальная бейсболка «Лос-Анджелес Лейкерс» сидит на его голове, украшенная ярко-желтой золотой надписью «ЧЕМПИОНЫ» прямо над логотипом команды.

Несмотря на то, что сейчас июнь и он находится в душной раздевалке, он одет в разноцветную кожаную куртку ограниченного выпуска, на которой есть нашивка по поводу каждого из бесчисленных титулов франшизы из Лос-Анджелеса, что обозначает его место в возрасте всего лишь двадцати двух лет среди многих величайших игроков этой команды.

У него есть все основания смеяться, откидывая назад голову и обнажая десны, и праздновать величайший момент, достигнутый ни больше ни меньше как в его родном городе Филадельфии. Брайант только что помог «Лейкерс» в беспрецедентной череде игр из 15 побед и одного поражения пройти через плей-офф и завоевать второй титул подряд, увенчанный поражением «Филадельфии-76» в серии со счетом 4–1 и победой над его заклятым врагом в чемпионской серии Алленом Айверсоном.

В конце концов, его наставник, бывший великий игрок «Лейкерс» Джерри Уэст, объект такой большой любви и славы со стороны поклонников баскетбола, выиграл всего один профессиональный титул за свою мучительную и болезненную четырнадцатилетнюю карьеру. И вот молодой Коби Брайант выиграл уже два перстня.

Он головокружительно быстро летит к своей мечте, и каждый грандиозный успех теперь, кажется, проносится мимо, как дорожные знаки. Его вырастила, воспитала и взлелеяла семья, которая давно глубоко погружена в баскетбол, семья, которая подпитывала Брайанта твердой уверенностью в его грядущем величии.

Его мать, Пэм Кокс Брайант, души в нем не чает с самого рождения, как много лет назад не чаяла души в своем брате-баскетболисте.

Как заметил близкий друг семьи, юные годы Коби Брайанта напомнили ему старый эпизод телешоу «Сумеречная зо-

на», о ребенке, которого так обожает его собственная семья, что у него каждый день день рождения.

«Всегда его день рождения, – объяснил друг, – и все взрослые говорят: “О, это твой день рождения! Это твой день рождения”».

Вместо того чтобы угробить его, действия его родителей имели противоположный эффект, который подстегивал его бежать вперед за своей мечтой с самого раннего возраста. С тех пор как в 1996 году Брайант неожиданно оказался в центре внимания общественности, он предстал перед публикой ярким молодым человеком, вежливым и утонченным во многих отношениях, но обладающим сверхъестественной уверенностью в себе, которая отталкивала почти всех, кто с ним общался, порой заставляя некоторых из них сомневаться даже в его базовом душевном равновесии.

Формирование этой веры в себя было также обусловлено усилиями его отца, Джо Мармелада Брайанта, который планомерно и постоянно поддерживал уверенность своего сына, – отец испытал на печальном опыте, как его собственная многообещающая карьера рушится в бурлящих перекрестных потоках НБА 1970-х годов.

С подросткового возраста Коби Брайант был потрясающе смелым в своих предсказаниях, собираясь стать величайшим баскетболистом в истории.

На каждом шагу его заявления о будущем величии встречались покачиванием головы и поднятыми бровями, потому

что такие мечты смехотворны, недостижимы. «Коби сумасшедший», – снова и снова со смехом заключали люди вокруг него.

И все же теперь он здесь, на пути к богатству и славе, которые его прабабушка когда-то предсказала кому-то из их рода. Там должны быть друзья, семья и товарищи по команде чемпионата школы, все они собрались вокруг него в одной из этих сцен фильма «Эта замечательная жизнь».

Незадолго до этого его товарищи по «Лейкерс» начали разбрызгивать шампанское, распевая гимн-песню рэппера DMX: «Я сойду прям здесь с ума, / Прямо здесь, прямо здесь, / Выложусь я на все сто / Прямо здесь, прямо здесь».

Эти слова сами по себе олицетворяют жизнь Брайанта. Но вместо того чтобы удариться в разгул, он тихонько отошел в сторону. Он сидит в антисептической кабинке раздевалки, опираясь на хромированные перила, плитка вокруг него – цвета тумана вдоль реки Шайлкилл филадельфийским утром. Его лицо закрыто ладонью, взгляд устремлен в пол, затерянный на глубине тысячи метров. Он совершенно покинут и одинок, занят и раздираем внезапным всплеском эмоций, которые захлестнули его жизнь в последние месяцы.

С юных лет, когда он ездил в автобусах с командой второго эшелона итальянской лиги своего отца и обещал ему и еще одному товарищу по команде отца, что он будет намного лучше, чем любой из них, все существование Брайанта было странным и почти нечеловеческим стремлением к этому

величию.

Миллионы школьников его поколения мечтали сравняться с величием Майкла Джордана, но только один из миллионов проявил железную волю и стремление овладеть игрой, как это сделал Коби Брайант. Еще будучи подростком, он был отмечен представителями «Адидас», спортивной обувной компании, которые сказали, что они планируют сделать его следующим Майклом Джорданом. Это была роль, которая идеально соответствовала его собственным замыслам, и в течение нескольких коротких месяцев он выучил эту роль назубок от манеры речи до уверенного вида, даже до бритой, блестящей макушки, хотя ему в то время было всего семнадцать. «Трансформация была поразительной», – вспоминал Сонни Ваккаро, тогдашний представитель «Адидас», который был влиятельнейшим лицом в баскетбольной индустрии.

Теперь лицо Брайанта в момент триумфа служит подтверждением того, что нет такой цены, которую он не заплатит, такой жертвы, которую он не принесет, чтобы, как он объясняет, «*быть тем самым*», доминирующим игроком в игре.

Совсем недавно он принес свою семью на алтарь своей цели. Это была семья, которой все восхищались как образцом добродетели и благополучия, но теперь она разбита в пух и прах, став жертвой его непоколебимой целеустремленности.

«Он был похож на русских с их Романовыми, – заметил Ваккаро, оглядываясь назад. – Он избавился от всех».

Вскоре он исключит из своей жизни своего агента, свою компанию по производству спортивной обуви, в конечном счете своего тренера Фила Джексона и коллегу-звезду Шакила О'Нила. Но сейчас он внезапно и с почти хирургической точностью вычеркнул из своей жизни мать, отца и двух сестер, изгнав их из своего общества. Члены семьи рассказывали многочисленным знакомым истории об аннулированных кредитных картах, отбуксированных автомобилях, устраненных рабочих местах, оставленных без ответа телефонных звонках, освобожденном семейном доме, прерванных отношениях.

«ТО, ЧТО ПРОИЗОШЛО, – ЭТО ТРАГЕДИЯ», – СКАЗАЛ ГЭРИ ЧАРЛЬЗ, ТРЕНЕР КОМАНДЫ ЛСС ИЗ НЬЮ-ЙОРКА И ДРУГ СЕМЬИ, МНЕНИЕ, КОТОРОЕ СНОВА И СНОВА ПОВТОРЯЛИ ДРУЗЬЯ СЕМЬИ И ЗНАКОМЫЕ.

«Было чем-то невероятным смотреть на них вместе», – вспоминал Чарльз об отношениях молодого Коби со своим отцом Джо. «Видно было, с какой любовью и уважением Коби относился к своему отцу. Как только одна из его игр ЛСС заканчивалась, Коби подбегал, обнимал своего отца и спрашивал: “Ты видел, что я сделал?” Джо говорил: “Да, я видел”. За все время, что я был с ними, я ни разу не видел, чтобы он не проявлял уважения к своему отцу».

Тем не менее стремительный успех и сногшибательные суммы денег в профессиональной жизни Брайанта каким-то

образом породили пропасть в семье, которая поразила всех, кто знал их раньше.

В эту ночь на «Спектре», арене «Филадельфии», присутствовал его дядя по материнской линии, Пухляш (Chubby) Кокс – главный представитель семьи, и когда Кокс и его жена встретились с молодой звездой «Лейкерс» после матча, Брайант, наконец, не выдержал.

«Джо Брайант рассказал мне историю того вечера, – вспоминал Гэри Чарльз. – Когда тетя и дядя Коби подошли к нему, Коби обнял их и долго плакал».

Тихие рыдания и боль на его лице в тот финальный вечер показали, как глубоко он переживал потерю своей семьи, отчуждение. И все же эта очень решительная и своенравная молодая звезда по-прежнему считала абсолютно необходимым двигаться вперед без своих близких.

«Трудно быть великим, очень трудно», – сказал Мо Ховард, давний друг семьи Брайантов.

«Грустно, очень грустно, – заметил Энтони Гилберт, еще один друг семьи из Филадельфии, который внимательно следил за жизнью и карьерой Брайанта. – Это как у Ф. Скотта Фицджеральда. Покажи мне героя, и я покажу тебе трагедию».

Часть I: Нужно быть желе, потому что джем не трясется

У меня всегда было впечатление, что никто не воспринимал его всерьез, что они просто думали, что Джо Брайант был забавным парнем.

Пол Вестхед

Глава 1: Попался

Филадельфия

5 мая 1976 года

Белый спортивный автомобиль медленно, почти бесшумно выкатился из полуночного тумана прямо на офицеров, сидящих в полицейском фургоне. Они тоже двигались без особой спешки, их радио потрескивало в такт странному, нестройному дорожному движению вечера среды в Филадельфии.

Когда спортивный автомобиль проезжал мимо, они увидели крупного чернокожего мужчину, склонившегося над рулем.

Это было в начале мая 1976 года в просторном городском парке Фэрмаунт, а человеком в машине был Джо Брай-

ант, двадцатиоднолетний новичок «Филадельфии-76». Известный как любитель повеселиться Мармелад, он был чем-то вроде героя местной баскетбольной сцены.

Молодой друг Брайанта Мо Ховард, по сведениям многих, дал ему это прозвище.

Но это неправда, как признается сам Ховард много лет спустя, объясняя, что прозвище вылилось из текучей, спортивной манеры Брайанта играть в баскетбол.

«Кажется, ребята из Южной Филадельфии звали его Мармелад, – вспоминал Ховард. – Его прозвали Мармеладом⁴ из-за того, как он сотрясал людей на площадке, понимаешь, о чем я? Знаешь, как говорят: “Нужно быть желе, потому что джем не трясется”. И это так и есть, не правда ли? И это, вероятно, был отличный способ описать игру Джоуи».

Брайанту тоже нравились разноцветные бобы-мармеладки. «Это была его фишка, желейные бобы, – со смехом сказал Ховард. – В те времена желейные бобы можно было увидеть только на Пасху. Но у Джо они были всегда».

Некоторые позже утверждали, что он получил это прозвище, потому что однажды вечером болельщики дали ему желейные бобы на бровке во время игры.

Каким бы ни было его происхождение, прозвище определенно подходило стилю Брайанта. Мармелад был добродушным типом с неудержимой щербатой улыбкой. Именно лицо мгновенно поражало почти всех, кого он встречал.

⁴ Англ. Jellybean.

«Он всегда был таким, – вспоминал Мо Ховард. – У него всегда улыбка на лице. Всегда смеется и шутит. Думаю, именно это и привлекло меня в Джо».

И то, что у него было сердце, подходящее к его улыбке, не вредило ему. Много лет спустя один из его одноклассников из восьмого класса вспоминал Джо Брайанта как человека, который с готовностью пришел бы на помощь маленькому еврейскому ребенку, над которым издевались в школе.

«Джо был беззаботным парнем, – объяснил Ховард. – Нам было очень весело, когда мы ходили на вечеринки и танцевали. Надо было видеть, как этот парень, этот 206-сантиметровый парень танцует. Он был там самым плавным танцором. Он мог танцевать как черт, и он был очень, очень приятным парнем. У меня никогда не возникало впечатления, что он о чем-то беспокоится».

Оглядываясь назад, эта беззаботность натуры, возможно, поможет объяснить, почему в ту обычную ночь в начале мая 1976 года, когда вишня только начинала распускаться, Мармелад Брайант оказался втянутым в то, что казалось суровым испытанием судьбы.

В защиту Брайанта, – а Господь свидетель, что ему понадобится защита от своих же действий той ночью, – это был трудный, эмоциональный день, начавшийся с похорон матери его близкого друга Гилберта Сондерса. В каком-то смысле она была для Брайанта второй матерью. Он проводил так много времени в доме Сондерсов, что для него он был как

второй дом. Ему нравилось сидеть за ее столом во время больших, роскошных обедов, которые она готовила. Его собственная семья была крайне ограничена в средствах, и миссис Сондерс была единственной, кто замечала его потребность в обуви или куртке и спокойно покупала их. В тот день после похорон Брайант отправился в дом Сондерсов и вытащил свой чек от «76-х»⁵, чтобы показать, как хорошо он справляется с делами.

«Черт», – сказал мистер Сондерс, и его глаза расширились от удивления.

Брайант заключил с командой контракт новичка на сумму почти \$1 млн – невероятная сумма по тем временам – и за последние несколько месяцев получил больше наличных, чем он мог когда-либо мечтать.

Гилберт Сондерс, который в то время играл в баскетбол за команду Джона Чейни в Государственном колледже Чейни, решил, что Брайант принес чек «как жест, чтобы подбодрить мою семью. Его приняли в мою семью. Мы обняли его. Кроссовки и пальто – вот в чем ему помогала мама. Его жест был способом показать моему отцу: “А вот что теперь делаю я”».

И поэтому события, эмоции этого дня, возможно, помогли объяснить, что привело Мармелада в соседний Парк Фермаунт несколькими часами позже, в полночь для того, чтобы испытать судьбу.

⁵ «Филадельфия Севенти Сиксерс», *Philadelphia 76ers* – американский профессиональный баскетбольный клуб Национальной баскетбольной ассоциации.

У него не было заднего фонаря и водительских прав, лишь давно просроченное разрешение на обучение. Он начал серьезно ездить только прошлой осенью, когда купил два блестящих новых «Датсуна 280Z» – один для своей жены Пэм, а другой для себя – после подписания контракта новичка с «Сиксерс».

«У этих Z была напористость, – вспоминал Гилберт Сондерс. – Именно на этом и остановились Джо и его жена. Она этого хотела, она это и получила. У них было две такие машины».

Брайант вырос прямо там, в Юго-Западной Филадельфии, в том, что он любил называть «гетто», шумном мире визжащих троллейбусных линий, надземных поездов, стонущих городских автобусов и местных банд, дерущихся за территорию на каждом углу. Он перешел от полного отсутствия транспортного средства к управлению Z, виртуальной наземной ракетой. Вооруженные 170 лошадиными силами и весящие всего 1270 килограммов, эти двухместные двигатели с впрыском топлива могли попеременно возбуждать и пугать любого, кто садился за руль, особенно Мармелада, которому пока не хватало водительского опыта.

«Он, понятно, любил свою машину, любил привозить ее в свой старый Юго-Западный район Филадельфии», – вспоминал Вонтез Симпсон, его друг. «Он всем ее показывал. Он хотел показать всем, что у него получилось. В то время это была горячая тачка».

Более того, Брайант, возможно, в ту ночь был «заряжен», когда его машину остановили, о чем свидетельствуют две ампулы кокаина и маленькая стильная ложечка в его машине.

Еще одним осложняющим фактором было то, что он гулял с Линдой Солтер, своей бывшей подругой, сестрой товарища по команде из его старой школы, Средней школы Джона Бартрама в Филадельфии, несмотря на то, что у него была красивая молодая жена и месячная дочь в их прекрасном новом доме в богатом пригороде.

С первых же минут его браком управляла жена Пэм, статная красавица с немного злодейской жилкой. Старые друзья заметили, что всякий раз, когда нужно было принять решение, Брайант сразу покорно смотрел на жену. Даже члены семьи смеялись, что одна только мысль о том, чтобы перечить ей, казалось, повергала Мармелада в панику.

Но вот и все, он перешел ей дорогу по-крупному и вот-вот будет пойман с поличным.

Если бы это была сцена из старинного фильма, саундтреком вполне могла бы стать Disco Lady Джонни Тейлора, песня номер один для большей части той весны «76-х», которая была совершенно простой, что и любил Джо в песнях.

А ну встряхнись, давай встряхнись.

Двигайся, двигайся, диско-леди.

Какая бы песня ни играла в Z, какой бы полет фантазии

ни совершил Брайант в ту ночь, все мечты немедленно рухнули, как только он понял, что мигающие огни сирен были направлены на него. Понятно, что он быстро почувствовал множество опасностей, не последней из которых было то, что он был черным парнем в модной машине в парке поздно ночью в городе, который сотрясался от бандитского насилия и всевозможных уродливых расовых проблем.

Новость о том, что он подписал контракт с «Сиксерс» несколько месяцев назад, была на первой полосе «*Филадельфия Трибьюн*», сразу после статьи о десятках афроамериканцев, расстрелянных полицией Филадельфии за последние месяцы.

За последние три года полиция Филадельфии застрелила 73 человека и ранила еще 193. В те дни полицейские регулярно делали «предупредительные» выстрелы в убегающих подозреваемых.

За последние двенадцать месяцев пять полицейских Филадельфии были застрелены, в том числе один был убит с крыши жилого комплекса пятнадцатилетним подростком, который ошеломил город, сказав властям: «Я просто хотел убить полицейского».

Брайанту не нужна была газетная статья, напоминающая об этих обстоятельствах. Как и ни одному из чернокожих жителей города.

Возможно, это действительно была заурядная остановка из-за заднего фонаря, как позже сообщат офицеры, но кон-

текст самого момента был странным и напряженным. И он будет становиться еще более странным.

Офицеры начали ощущать первые признаки этого, когда длинный, высокий Мармелад – чуть меньше 207 см роста – разогнулся и вышел из машины. Он старался сохранять хладнокровие, когда офицер осветил его лицо. Он тут же представился и, соображая на ходу, быстро решил, что признаться в отсутствии прав и сдаться на милость полицейских – лучший способ избежать обыска машины.

Он протянул свою регистрационную карточку, но офицер был смущен заявлением Брайанта о правах. Что-то в этом взаимодействии вызвало у Джо Брайанта сильное и всепоглощающее чувство паники. Возможно, как позже предположат другие, это было внезапное осознание того, что жена его раскусит. Возможно, это был страх перед самой полицией, хотя Брайант уже предоставил им свои документы и свое имя.

То, что произошло дальше, поразило офицеров, да и всю филладельфийскую общину, а также замкнутую культуру Национальной баскетбольной ассоциации 1970-х годов.

Брайант резко повернулся и сел в машину, предоставив полицейским сделать предположение, что он пытается достать права из бардачка. Вместо этого Брайант включил зажигание, дернул передачу и умчался прочь, наполняя лучи фар брызгами гравия, пыли и недоверия.

Офицерам потребовалось мгновение, чтобы понять, что

Джо Брайант уносится от них на большой скорости. Затем они снова забрались в фургон и бросились в погоню, одновременно передавая по радио словесный портрет преступника. Им потребовалось всего несколько мгновений, чтобы понять, что пытаться угнаться за Z было слишком опасно. Джо Брайант умчался прочь, покрывая расстояние на безумной скорости – более ста шестидесяти километров в час, по их оценкам, – словно какое-то причудливое судно, рассекающее ночь.

В одно мгновение он проскочил парк и вслепую помчался по улицам города. С выключенными фарами.

Только через двенадцать минут другой полицейский отряд заметил Брайанта.

Офицер Реймонд Данн докладывал, что он направляется на запад по Сидар-авеню, когда, посмотрев в зеркало заднего вида, он увидел спортивную машину без огней, приближающуюся сзади к его патрульной машине. Водитель яростно сигналил полицейским, чтобы они убирались с его дороги.

То еще зрелище. И это был Мармелад Брайант, на шоссе в ад, наяривавший по встречной полосе.

В последний момент Брайант обогнул полицейскую машину, и офицер Данн немедленно бросился в погоню, но ему пришлось отступить, когда они разогнались до очень высокой скорости. Позже Данн сообщил, что ехал так быстро, пытаясь не отстать от Мармелада, что боялся потерять контроль над патрульной машиной.

Через несколько минут Брайант въехал на оживленный перекресток Балтимор-авеню, где дорогу ему преградил автомобиль.

Попытавшись объехать машину на большой скорости, Мармелад потерял управление. Сначала Z врезался в знак «Стоп», затем пронесся через Фаррагат Стрит, сбивая знак «Стоянка запрещена», а затем проскакал по кварталу взад-вперед, повредив припаркованную машину с одной стороны, затем отскочил к другой и врезался еще в две машины, затем снова пересек проезжую часть, прежде чем милосердно перепрыгнуть через бордюр и врезаться в стену.

С достаточным количеством обломков в кильватере, которое можно было квалифицировать как небольшое торнадо, Брайант и его подружка остались ошеломленными сидеть в его разбитой и разрушенной машине. Возможно, именно тогда он понял, что ни разу во время своего стремительного побега не попытался избавиться от кокаина. Позже офицеры найдут его при обыске Z.

В этот момент Брайант принял свое последнее ужасное решение и убежал в ночь.

«Он просто выскочил из машины и оставил ее сидеть там», – сказал один из старых друзей Брайанта. «Джо запаниковал и выскочил из машины. Бежать было незачем. Если бы вы были полицейским и увидели, как такой большой парень убегает, вы бы знали, кто это был. Все знали Джо. У него не было никаких причин убегать».

Именно здесь, на этом перекрестке, странный сценарий этого вечера окончательно рушится и монументально плохие решения каким-то образом смешиваются с удачей на общем фоне временного безумия.

К счастью, полиция не сделала пресловутого «предупредительного выстрела» в убегающего Мармелада.

Брайант был не только отличным баскетболистом, но и звездой легкой атлетики в старших классах. И все же один из полицейских, Роберт Ломбарди, умудрился сбить его с ног всего за несколько метров. Когда ему это удалось, Брайант развернулся, чтобы наброситься на него.

«Я схватил его, – вспомнил Ломбарди. – Он поднял кулак, и я ударил его. Я усмирил его и надел на него наручники».

Брайант получил черепно-мозговую травму, на голову пришлось наложить шесть швов. Десятилетия спустя Джин Шу, который в то время был тренером Брайанта в «Сиксерс», вспоминал, что полиция, по-видимому, довольно сильно избивала Брайанта, и это избиение отметит его глубоким чувством унижения, одной из многих вещей, которые позже беспокоили его в течение долгого, долгого времени. Но тут же на него навалились наручники, тюрьма и жуткая тревога перед реакцией жены.

Менее чем за полчаса удача, сопутствовавшая молодому Джо Брайанту, превратилась в мир дерьма. Многие в Филадельфии сделали гораздо меньше, но все же оказались в ящике для трупов в морге. Для Джо Брайанта в последующие

месяцы и годы становилось все более очевидным, что этот инцидент нанес ему и его карьере огромный вред.

Мучительное время, проведенное Мармеладом в заключении в ту ночь, принесло некоторое просветление. Много лет назад его бабушка предсказала, что кто-то из их семьи станет сказочно богатым и знаменитым. Этой ночью в мае 1976 года Джо Брайант получил первый намек, что парень из пророчества, скорее всего, не он.

Глава 2: Отцовство

На протяжении всей своей юности баскетбольная карьера Джо Брайанта была еще одним блестящим средством передвижения в его жизни, которое могло доставить его туда, куда могли надеяться попасть немногие другие мальчики из его общины. Однако у Мармелада появилась совсем другая игра, со своим собственным стилем, которая впервые привлекла его внимание в детстве, проведенном в доме его бабушки в Западной Филадельфии, прямо за углом от асфальтированной игровой площадки около сорок второй и Лейди-авеню. Она разрешала ему выходить из дома и играть каждый день, кроме воскресенья, когда она поднимала его с постели пораньше, чтобы они могли выйти из дома в 6 утра и провести воскресенье в баптистской церкви Нового Вифлеема.

«Мы были там целый день», – однажды объяснил Брайант.

Пение, поклонение и хвала служили основой его нравственного воспитания. С корзиной он работал каждый день, и все это на игровой площадке.

Когда он подошел к подростковому возрасту, он и его семья переехали в Юго-Западную Филадельфию, в продуваемый сквозняками шаткий хрупкий дом на Уиллоус-авеню, недалеко от игровой площадки Кингссессинга, которая стала его новой баскетбольной лабораторией.

Уиллоус была неровной короткой улицей, как и многие в Юго-Западной Филадельфии. И все же это была обсаженная деревьями улица, где «старик» Мармелада, Большой Джо, иногда сидел на крыльце, улыбался и махал рукой всему миру.

Большую часть времени мир улыбался в ответ. В другое время Большой Джо мог бы играть за «Иглз» в качестве дефенсив-тэкла⁶. Ростом он был 191 см, крепко сложен и широк в груди. Во всей Филадельфии нельзя было найти хоть одну душу, которая не восхищалась бы Большим Джо за его медвежью физиономию, за его спокойные, дружелюбные манеры и за его любовь к сыну.

Его высокое положение в обществе было большим достижением для человека, который сумел вырастить троих детей, несмотря на тяжелые финансовые обстоятельства. Десятилетия спустя люди на всех станциях без труда вспоминали Большого Джо, или Папашу Брайанта, как его называли соседские дети. С годами «*Филадельфия Трибьюн*», часто цитировавшая его на спортивных страницах, стала ласково называть его «веселым джентльменом с Уиллоус-авеню».

Смотреть, как его сын играет в баскетбол, казалось, было сладким эликсиром, который приносил радость Большому Джо. У него были большие мясистые руки и полное лицо, которое легко расплывалось в улыбке. Тем не менее его

⁶ *Defensive tackles* – самые сильные и самые крупные из игроков защиты в американском футболе.

чувство дисциплины шло от ветхозаветного менталитета «не жалея розгу»⁷. Однажды он объяснил спортивному обозревателю из Филадельфии Джулиусу Томпсону, что часто предупреждает своего сына-подростка «не приносить дневной свет в мой дом», если тот выходит ночью. Другими словами, не задерживаться допоздна и не возвращаться домой после рассвета. Сын как-то раз проверил это правило, и Большой Джо тут же оглушил его, да так сильно, что Мармеладу потребовалось двадцать минут, чтобы прийти в себя. А когда все-таки пришел, то понял намек, вспоминал Томпсон.

Большой Джо решил присматривать за своим сыном. «Папаша Брайант, где бы ни был Джо, всегда был рядом», – вспоминал друг семьи Вонтез Симпсон.

«Большой Джо был полностью вовлечен в каждый шаг этого пути, – вспоминал давний баскетбольный писатель Филадельфии Дик Вайс. – Он очень гордился своим сыном».

«Большой Джо Брайант был просто потрясающим парнем, просто очень харизматичным парнем, – вспоминал Пол Вестхед, который тренировал Мармелада в Университете Ла Саль. – Люди в городе знали отца Джо. Он был заинтересован только в хорошем для своего сына и семьи. Хорошие вещи означают хорошие вещи, которые помогут им стать хорошими людьми. Он был восхитительным человеком».

По мере того как Большой Джо старел, а его вес и диа-

⁷ «Пожалейте розгу, и испортите ребенка» – фраза из сатирической поэмы XVII века «Гудибрас» Сэмюэля Батлера.

бет становились все значительнее, он начал ходить с тростью. Даже тогда он загорался сначала при виде игры Мармелада, а затем своего внука Коби. Насколько велика была его любовь? Много лет спустя, когда диабет стал разъедать весь его образ жизни, Большой Джо таскал свой кислородный баллон на игры внука.

Из Джорджии

У отца Мармелада, вероятно, было много печальных историй, но он не слишком увлекался разговорами о прошлом. Он вышел из «Черного пояса» Джорджии, который протянулся почти по всей длине штата вдоль Шоссе 41 как часть великой миграции афроамериканцев с юга в двадцатом веке.

Филадельфия была основным местом для переселенцев. Юго-Западная Филадельфия, в частности, эволюционировала из ферм, загородных поместий и ботанических садов в девятнадцатом веке, будучи магнитом для поиска работы сначала для европейских иммигрантов, а затем, в конечном счете, для афроамериканцев, поскольку область превратилась в промышленный ландшафт с мыловаренными и локомотивными заводами, нефтебазами, нефтеперерабатывающими заводами и, в 1927 году, аэропортом.

На рубеже двадцатого века население так называемого Города братской любви в подавляющем большинстве было белым, но это начало меняться в 1920-х, 30-х и 40-х годах, ко-

гда миллионы чернокожих направились на север.

«Многие из них прибывали каждый день на поездах, делавших остановки по всему югу, собирая афроамериканцев – или негров, как их называли в ту эпоху», – объяснил Джулиус Томпсон, один из первых чернокожих спортивных журналистов, нанятых в крупную газету на восточном побережье, пришедший работать в старый «*Филадельфия Бюллетин*» в 1970 году.

Потерпев неудачу из-за краха фермерской экономики в 1930-х годах, они упаковали свои нищие жизни и направились на север, чтобы заполнить города страны в поисках работы и нового образа жизни. Миграция была вызвана отчаянием из-за падения цен на сельскохозяйственную продукцию во время депрессии, которая положила конец несостоятельным экономическим системам долевого и арендаторского земледелия, по-прежнему единственной работой, доступной многим афроамериканцам в стране, которая долгое время лишала их возможности получить образование.

Миграция также ускорилась из-за насилия белых толп линчевателей, которые десятилетиями нападали на чернокожих людей в одном уродливом инциденте за другим, задокументированными, часто с яркими деталями, газетами на юге.

Соблазн Севера усилился в 1940-х годах вместе с обещанием рабочих мест во время войны на верфях Филадельфии и в других местах. Возможности для этого только увеличились после войны, когда оживилась экономика.

В Джорджии Большой Джо Брайант работал в сельском хозяйстве вместе со своим отцом – первым из трех Джо Брайантов – по шестьдесят часов в неделю за гроши. Данные переписи показывают, что дед Большого Джо родился в рабстве в 1840-х годах и провел свою жизнь, как и его сын после него, работая на суровых, неумолимых полях юга.

Как и многие другие, Большой Джо Брайант был беженцем, приехав в Филадельфию молодым человеком. Тем не менее жизнь, которую он прожил, наградила его определенными преимуществами, включая стойкость и сильный дух. Очевидно, отцовство издавна ценилось в клане Брайантов. В ранние годы жизни Большой Джо переехал из деревни в город и завел семью. Он и его жена произвели на свет троих детей, и он обожал всех троих, особенно своего старшего ребенка, своего тезку.

«Вот что я тебе скажу, парень, в глазах Мистера Би Джо не мог сделать ничего плохого», – вспоминал друг семьи Мо Ховард.

Баскетбольный путь Мармелада начался, когда он был подростком, проводящим часы перед кольцом, установленным на столбе прямо там, на Уиллоус-авеню. Оттуда он отважится пересечь Коббс Крик Паркуэй и направится в парк, где на площадках будут еще более сильные соперники. Дальше он выходил на другие дворы в юго-западной части Филадельфии, в основном на углу сорок восьмой улицы и Вудленд-авеню, а также на большую детскую площадку на Кинг-

сессинг-авеню.

Мармелад был болезненно худ, но его рост означал, что старшие игроки, которые доминировали на игровых площадках, позволяли ему участвовать в своих играх. За это он будет им вечно благодарен. Из-за своей худобы он научился играть по периметру. Те часы, проведенные на асфальте против старших парней, сформировали его самовосприятие: он начал видеть себя игроком. Много лет спустя то же самое сделает и его сын Коби. Это был их общий дар – раннее понимание своей судьбы, любовь к игре.

«ОН ЛЮБИЛ ЭТУ ИГРУ. ОН ПРОСТО ХОТЕЛ ИГРАТЬ, ЧТОБЫ ПРОЧУВСТВОВАТЬ ЕЕ», – СКАЗАЛ ДЖУЛИУС ТОМПСОН О МАРМЕЛАДЕ, ХОТЯ ОН МОГ БЫ СКАЗАТЬ ТО ЖЕ САМОЕ И О КОБИ.

Одним из первых героев Мармелада был Эрл Жемчужина Монро, который играл в школе Джона Бартрама в начале шестидесятых. Монро причудливо обращался с мячом и в этом был просто волшебником, приведя команду школы Бартрам к чемпионскому титулу в Общественной лиге Филадельфии в 1963 году, когда маленький Джо Брайант был девятилетним мальчиком с широко раскрытыми глазами. Команды Общественной лиги были настолько жесткими, настолько физически сильны, что остальные школы Пенсильвании даже не разрешали им играть на турнире штата. «Если бы им это разрешалось, то команды Общественной

лиги выигрывали бы его каждый год», – сказал Вонтез Симпсон, повторяя общепринятое мнение.

«В то время в Общественной лиге было так много великих игроков», – объяснил Дик Вайс.

«Я никогда не видел, чтобы столько талантов проходило через город», – сказал Джулиус Томпсон, который освещал игры Общественной лиги для «*Бюллетин*». «Это продолжалось и продолжалось, с шестидесятых до семидесятых годов».

Довольно скоро Эрл Монро отправился в Уинстон Сейлем Стэйт, а затем в старый «Балтимор Булз» и, наконец, в «Нью-Йорк Никс». Он был как метеор в небе для молодого Джо Брайанта и других представителей следующего поколения. Так же как и звезды в составе «76-х» – такие игроки, как Вали Джонс, Чет Уокер, Хэл Грир, Люк Джексон и Уилт Ходуля – в 1966/67 годах, когда они выиграли титул чемпиона НБА, а Джо Брайанту было двенадцать. Вскоре после этого он стал фанатом Кенни Дарретта, который блистал в «Ла Саль».

Джо особенно любил агрессивный стиль и проводил часы, работая над дриблингом мяча между ног, за спиной, не глядя туда и сюда: вещи, которые большинство здоровяков той эпохи даже не пытались натренировать.

Довольно скоро люди заметили, что нет ничего, что Джей Би, как его называли в Средней школе Шоу, а позже в Бартраме, не мог бы сделать с баскетбольным мячом. Он уже про-

являл граничащее с гениальностью, природное чутье к элементам шоу-тайм игры, которые могли освоить только избранные, смесь духа, приемов от Эрла Жемчужины, Боба Коузи, «Глобтроттерс» и Пистолета Пита Маравича. Где бы ни играл Джей Би, люди им будут восхищаться. Другие высокие парни просто были не в состоянии так обращаться с мячом.

Неприятности повсюду

К девятому классу рост Мармелада приблизился к 201 см и он обладал широким скользящим шагом. Когда ему хотелось куда-нибудь пойти, он пускался бежать и вскоре оказывался у цели – черта, которая вызывала симпатию у городских тренеров по легкой атлетике и баскетбольных скаутов.

На первый взгляд баскетбол Филадельфии конца шестидесятых – начала семидесятых годов мог бы показаться милой ностальгической историей, если бы не один важный фактор. Город был темным местом, в котором банды гарантировали, что у мальчиков, растущих на опасных улицах, будет много неприятностей. Позже газета «*Филадельфия Дэйли Ньюс*» сообщала, что в городе действовало 106 различных банд, каждая из которых имела свою территорию, причем их члены обычно были вооружены самодельными пистолетами. Десятки молодых людей погибли в бандитских разборках в тот период, когда войны за территорию распространились на коридоры городских школ.

Насколько крепка была власть над молодыми самцами Филадельфии? В большинстве случаев ты не мог даже добраться до школы, – не говоря уже о том, чтобы выжить там, – если не был бы связан с бандой. Там повсюду главенствовала сила обеспечивая серьезные последствия для всех остальных.

«В моем родном городе Филадельфии, штат Пенсильвания, злобные черные уличные банды, казалось, правили каждым сантиметром черного сообщества, и это было опасное время для молодого чернокожего подростка, живущего в предательской местности городских дебрей», – писал Реджинальд С. Льюис, сам бывший член банды.

Только в 1969 году, когда Джо Брайант учился в девятом классе в школе Бартрама, в городе было зарегистрировано сорок пять смертей, связанных с бандами. Напряженность ощущалась в каждой средней школе города. Банды начинали действовать рано, вербуя мальчиков из начальной школы, чтобы те становились их членами.

Мармелад Брайант каким-то образом умудрился стать одним из счастливых. «Если ты не был спортсменом, то у тебя были неприятности, – говорил Джулиус Томпсон. – Люди, которые занимались спортом, имели сильную поддержку у себя дома».

«Оглядываясь назад, я понимаю, – заметил Гилберт Сондерс, – что речь шла о том, чтобы задать направление. Как и у многих детей, у Джо отсутствовало чувство направления.

Чтобы вырастить Джо Брайанта, нужна была традиционная деревня».

Баскетбол обеспечил эту «деревню» или, по крайней мере, стал той силой, которая все это объединила. В дополнение к бдительному оку Большого Джо, доброте родителей Сондерса и тренерам государственных школ, несомненно, самым большим фактором в жизни Брайанта будет легенда «Филадельфии» Сонни Хилл и его баскетбольная лига. Хилл виртуально присутствовал на каждом повороте пути, чтобы исправлять неудачи и превращать катастрофу в возможность.

Он сыграл подобную роль в жизни многих молодых игроков из Филадельфии.

Как заметил Гилберт Сондерс: «Сонни Хилл буквально спас мне жизнь. И также жизнь многих других ребят».

По словам Джулиуса Томпсона, в то время Филадельфия была городом, изобилующим всевозможными баскетбольными лигами: «Куда ни глянь, всюду дети от рассвета до заката играли в баскетбол».

Тем не менее, большинство элитных лиг были пригородными, пока не появился Хилл.

«Он руководил профсоюзом, – объяснил Томпсон. – Я называю его старой баскетбольной фигурой Филадельфии. Сонни обладал хорошими политическими навыками. Он втянул в это всех».

Невысокий, жилистый защитник, игравший в старой Во-

сточной лиге в те дни, когда в НБА было всего десять команд и лишь несколько черных в ее составах, Сонни Хилл позже стал известным спортивным телекомментатором, а также боссом профсоюза и организатором сообщества. Хилл сам вышел из городских улиц и прекрасно понимал, с какими трудностями сталкиваются молодые игроки в своей жизни и в самом спорте.

В начале 1960-х годов Хилл основал Лигу Бейкера, летнее соревнование для профессиональных игроков. Вскоре она получила широкое признание за то, что помогла Биллу Брэдли из «Нью-Йорк Никс» улучшить свою игру после того, как он вернулся из творческого отпуска – учебы за границей.

«Когда Сонни запускал свою лигу, он играл в ней за команду Баптистской церкви Великой надежды, – вспоминал Дик Вайс, знаменитый баскетбольный журналист из Филадельфии. – Я до сих пор помню, как ходил туда смотреть игру Эрла Монро против Билла Брэдли сразу после того, как тот вернулся со своих занятий в школе Родс. Брэдли использовал Лигу Бейкера, чтобы подготовиться к игре за “Никс” и чтобы дать себе почувствовать себя в лучшей лиге, которая имитировала бы НБА. Он приехал в Филадельфию из Принстона, чтобы играть в Лиге Бейкера».

«Летние игры Лиги Бейкера часто были намного лучше, чем те же игры регулярного сезона НБА в ту эпоху», – допуская Вайс.

Вскоре лига Хилла привлекла внимание других игроков,

всех, от Уилта Чемберлена до Уолта Фрейзера, и была признана сокровищем летних игр в эпоху до того, как НБА стала организовывать свои собственные официальные летние лиги.

Его успех в Лиге Бейкера помог Хиллу основать другую программу в 1968 году, как раз когда Джо Брайант оканчивал восьмой класс. Лига Сонни Хилла обеспечивала структурированный игровой формат для лучших игроков средней школы региона и должна была стать отличительной чертой влияния Хилла.

Любительская лига была организована в качестве предварительных игр перед соревнованиями Лиги Бейкера. «Там было полно народу, – вспоминал Дик Вайс. – Это стало местом сбора всей черной общины».

«Это было похоже на большой пикник», – согласился Мо Ховард, игравший в лиге Хилла, а позже будучи стартовым защитником, играя у тренера Лефти Дризелла в команде Университета Мэриленда. «Самым ранним моим воспоминанием о баскетболе было посещение матчей Лиги Бейкера. Я помню, как вошел в подвал церкви, где у них был прекрасный тренажерный зал, и наблюдал за Биллом Брэдли, Кэззи Расселом, Вали Джонсом, Хэлом Гриром. Наблюдал, как эти ребята приходят и играют в летней обстановке, и играют в полную силу».

К тому времени, когда Ховард поступил в среднюю школу, лига Хилла уже стартовала, и внезапно он обнаружил, что

уже принимает участие в играх прямо перед матчами профессионалов из Лиги Бейкера.

«Речь шла о том, чтобы вдохновить молодежь, – вспоминал Ховард, – игра перед матчем Лиги Бейкера, а на игре Лиги Бейкера будет определенное количество людей, и ты знал об этом. Это было данностью. И у тебя есть все эти замечательные игроки из средней школы в каждой команде. Их было человек десять-пятнадцать, и все они были из каждого района Филадельфии, где было много средних школ. Таким образом, речь идет о самых лучших игроках средней школы».

Игроки средней школы соперничали перед матчами профессионалов, и тут уже было совсем недалеко до возникновения неформальных отношений, рассказывал Ховард. «Вали Джонс ничего не имел против того, чтобы схватить меня и сказать: “Молодой человек, тебе нужно поработать над левой рукой”, или чтобы Эрл Монро сказал: “Ты должен попрактиковаться в бросках”. Я имею в виду, что у нас был полный доступ к этим парням. И частенько – я не знаю, почему это случилось именно таким образом, – они подходили к нам. Это было невероятно».

В ту эпоху существовало множество лиг для лучших игроков средней школы в этом районе, и до тех пор, пока не появилась лига Хилла, самой топовой была Лига Нарберта, матчи которой проходили на открытых площадках в пригороде Филадельфии. Что отличало лигу Хилла, так это то, что

она была городской лигой и игры проходили в помещении.

«Через некоторое время Лига Сонни Хилла стала элитной лигой», – вспоминал Джулиус Томпсон.

Лига Хилла и Лига Бейкера в трудные времена помогали чувствовать гордость за филладельфийский баскетбол, особенно в те годы, когда Фрэнк Риццо был комиссаром полиции, а затем и мэром Филадельфии, объяснил Вайс: «Очевидно, в шестидесятые годы было много гнева. Во времена после Мартина Лютера Кинга был бунт. Я имею в виду, что во времена Риццо было опасно выходить на улицу. Между черными и белыми существовала большая напряженность. Но баскетбол был единственным видом спорта, который, казалось, объединял всех».

Хилл основал Лигу Сонни Хилла, чтобы бороться с бандами, которые захватили город. С таким количеством местных банд, которые так защищали свои территории, мальчикам было трудно переезжать из одного района в другой на городском общественном транспорте. Если они и пытались, то частенько находили неприятности, ожидающие их в разборках по возвращении в родные края. Однако, если игрок нес одну из отличительных спортивных сумок Лиги Сонни Хилла, члены банды обычно позволяли им пройти без проблем, что означало, что игроки могли ездить на игры лиги по всему городу. Хилл ловко заполнил тренерский корпус и взрослые кадры своей лиги несколькими офицерами по условно-досрочному освобождению и деятелями обще-

ственной безопасности, поэтому банды быстро поняли, что им не следует связываться с игроками Лиги Хилла.

Лига Сонни Хилла также отличалась жесткой дисциплиной. «Не было никаких споров с судьями, никаких вспышек гнева любого рода, – вспоминал Гилберт Сондерс, который играл в лиге. – Им не было дела до того, насколько ты талантлив. Они считали тебя ответственным за свои школьные оценки и за свое поведение».

«Сонни был большим любителем дисциплины, – соглашается Дик Вайс. – Чтобы играть в его Лиге, тебе нужно было заправить футболку в шорты. И нельзя было спорить с судьями. Он тут же вмешался бы. Он твердо верил, что в твоей игре должна быть личная гордость – личная гордость за свой подход, за то, что ты делаешь все правильно».

«Долголетие и успех Лиги Хилла стали возможны только благодаря уникальному таланту и силе самого Хилла», – объяснил Вайс. «Он смог организовать целый город с помощью этой лиги... У него было огромное политическое влияние в обществе, и он использовал его, чтобы основать эту лигу».

Лига Хилла, возможно, привнесла новый подход в баскетбол внутри города, но не все были довольны. Некоторые обвиняли Хилла в том, что он использовал свое влияние, чтобы направить лучших игроков в определенные средние школы, а затем в определенные колледжи. Хилл категорически отрицал это и потратил много времени, озвучивая доказательства обратного.

«Многие люди просто видели в нем ковбоя, который забирает детей из других лиг», – объяснил Вайс. «Но его критики не понимали, что он строил гордость Филадельфии и как важно было для Филадельфии иметь это собственное чувство гордости своими игроками».

Сонни Хилл вспоминал, что Мармелад вступил в Лигу Хилла восьмиклассником или девятиклассником, но не вписался. Хотя он и был высок и атлетичен, ему не хватало зрелости, чтобы там соревноваться, говорил Хилл. «Он вернулся в лигу примерно через год, когда повзрослел. Я думаю, что во многом это было из-за его отца».

Большому Джо нравились дисциплина и структура лиги, и даже после того, как оба его сына окончили ее, он продолжал работать там волонтером.

Именно в этих летних лигах Мармелад впервые встретил Мо Ховарда и быстро с ним подружился.

«Мы с Джоуи играли вместе в Лиге Нарберта, а также в Лиге Сонни Хилла, и мы еще играли в другой команде в другой лиге», – вспоминал Ховард. «Это было очень напряженное лето. И это не считая досуговых лиг и местных летних лиг. Так что мы очень много играли в мяч. Всегда были места, где можно было поиграть, игры были всегда».

Будучи старшеклассниками, Мармелад и Мо Ховард выиграли Лигу Сонни Хилла в команде, в которую также входил Андре Маккартер, который уезжал в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса к тренеру Джону Вудену.

Вскоре отец Мо Ховарда, Эдвард, познакомился с Большим Джо Брайантом, и отцы выяснили, что оба они из Джорджии. Близость возникла почти мгновенно.

«Это были два очень влиятельных отца, – сказал Джулиус Томпсон о Ховарде и Брайанте. – Они оба сняли бы с себя последнюю рубашку и отдали бы тебе».

«Не было двух мужчин, чьи груди выпячивались бы дальше, чем у Мистера Би и моего отца», – вспоминал Ховард со смехом, добавляя, что независимо от того, были ли они с Мармеладом в одной команде или в противоположных командах, «Мистер Би и мой отец сидели вместе и разговаривали о всякой фигне. Вот что они сделали, они вроде как падали друг другу в объятия. Мистер Би был крупным парнем. Он был высоким и крупным. Мой отец был невысоким и крупным парнем. Мой отец был водителем грузовика, и первым человеком, которого он искал, входя в спортзал, был Джо Брайант, Мистер Биг. Мы звали его Мистер Биг».

«Предыдущее поколение афроамериканцев никогда не имело таких возможностей заниматься спортом, как у их сыновей», – рассказал Ховард, вспоминая: «Для них это было похоже на “что бы ни происходило с вами, ребята, какую бы славу и известность вы бы ни получили, вы должны поделиться этим с нами”. То, что было сделано, – своего рода подтверждение того, кем были эти люди. Они были нашими отцами, и это давало им чувство гордости, которое, возможно, они никогда не испытывали в своей жизни. Здесь у них

были два сына, которые были отличными баскетболистами».

«Это было дело Мистера Би и папы. Они любили друг друга, мой отец и Мистер Би. Я был бы неосторожен, если бы сказал, что когда вы говорите о детях, которые имеют определенный успех в спорте, и особенно если это черные ребята, то отец обычно выходит на сцену после того, как ребенок зарабатывает деньги. Наши отцы были там с самого начала. Наши папы покупали нам обувь, наши папы покупали носки, они давали нам деньги, чтобы мы покупали себе хот-доги после игры. Эти парни участвовали в наших жизнях. Эти ребята всюду ходили с нами. Говоря о поддержке, они верили, что если они не придут, то кто-то подумает, что они не заботятся о своих сыновьях. И я буду говорить вам до самой смерти, что все знали и все уважали моего отца и Мистера Брайанта».

Глава 3: Подростки времен радости

Какими бы ни были проблемы, пронизывающие город, какие бы ловушки ни подстерегали его в ранние годы, Мармелад смог пройти через них, увлекаемый своим баскетбольным талантом и людьми, которые были готовы взрастить его. При нем всегда было его личное обаяние, но более важным для его баскетбольных наставников было то, как он играл.

Не было никаких сомнений в том, что колоритный Мармелад был продуктом игровых площадок. Ему нравилась свободная природа игр на свежем воздухе, и игровая площадка отвечала ему взаимностью. Именно там он научился блистать как в случайных играх, так и в городских досуговых лигах. Большой Джо приходил на игровую площадку только для того, чтобы посмотреть, что его сын будет делать дальше. Но он был не один.

«Когда у Джо шла игра, площадка была набита под завязку, – объяснил Вонтез Симпсон. – Порой ты даже не мог попасть на игровую площадку. Все любили смотреть на Джо».

«Он всегда улыбался, – вспомнил Пол Вестхед, который позже тренировал Мармелада. – Можно было слышать, как люди говорят: “Мы пойдем играть в баскетбол и повеселимся”. Это такой трюизм, звучащий немного абсурдно, но Джо был одним из тех немногих парней, которые действительно получали удовольствие от игры. Его физические данные и

набор приемов сформировали у него определенный способ, как именно играть в эту игру».

«Своей игрой Джо доставлял людям много радости», – согласился Дик Вайс.

Навыки Мармелада оставались уникальными, поскольку он развивал их в случайных играх и матчах Бейкер Лиги. Сочетание его роста, атлетизма и умения обращаться с мячом помогло ему выделиться среди городской элиты.

«То, что поразило всех, было не то, что здесь был парень роста 206 см, а то, что все парни с таким же ростом, с которыми мы играли, действовали по старинке, – объяснял Мо Ховард. – Все бегали, чтобы блокировать игроков, и поворачивались лицом к мячу. А Джоуи сам делал всю игру. Ты даешь ему мяч, и он будет работать как разыгрывающий. Он подбегал к шестиметровой линии или застывал на месте и бросал тебе пас не глядя. В то время никто в Филадельфии не играл так, как Джоуи».

В одной из самых запоминающихся игр той эпохи Мармелад участвовал в схватке с Джимми Бейкером из средней школы Олни, который позже играл в Университете Невады и Гавайском университете, прежде чем попасть в АБА⁸.

«Джимми Бейкер был невероятным талантом, может быть, даже лучше, чем Джо, – говорил Джулиус Томпсон, – но в конечном итоге он стал наркоманом. Наркотики добра-

⁸ Американская баскетбольная ассоциация, в прошлом Американская профессиональная баскетбольная лига, основанная в 1967 году.

лись до него».

«Он был 203 см роста, и он отлично прыгал, – вспоминал Мо Ховард. – Он был еще одним атлетически сложенным высоким парнем, хотя и был более ограниченным по сравнению с Джоуи, потому что Джоуи мог делать все. Он мог идти на дриблинге, мог пасовать, мог бросать. Я помню, как Джоуи и Джимми Бейкер устроили перестрелку, чувак, в одной из игр Сонни Хилла, чувак. Это было безумие. Я думаю, что у Джимми было 32 очка, а у Джо 28, но все это были броски с прыжка. Двое самых больших парней на площадке забивают с прыжка, на площадке как будто никого нет. Это было нетрадиционно, это было необычно. В то время так не играли в баскетбол».

БОЛЬШЕ ВСЕГО МАРМЕЛАДА ОТЛИЧАЛО ТО, КАК ХОРОШО ОН ОБРАЩАЛСЯ С МЯЧОМ. «Я ВИДЕЛ, КАК ЛЮДИ ПАДАЛИ НА ПЛОЩАДКУ ОТ ТОГО, ЧТО ДЖО СТЯХИВАЛ ИХ И ОБЫГРЫВАЛ», – СО СМЕХОМ ВСПОМИНАЛ ГИЛБЕРТ СОНДЕРС.

Было бы легко предположить, что стиль Мармелада столкнется с проблемами, как только он попадет в команду с более традиционным тренерским штабом средней школы в Общественной лиге. Особенно в школе Бартрама, где он играл под руководством строгого баскетбольного тренера, дисциплинированного Джека Фаррелла, который также преподавал английский язык и был деканом мальчиков в школе. Он

к тому же пытался сдерживать влияние банд. Ему помогал человек по имени Джек Галлахер, крупный, крепкий ирландец, который старался помочь как можно большему числу молодых спортсменов.

Фаррелл чувствовал талант в игроке, таковым наделенным. «Он очень любил черных детей, – вспоминал Джулиус Томпсон, работавший в команде Фаррелла. – Он был личностью. Уникальным. Он понимал людей. Многие тренеры тогда не понимали игроков, с которыми имели дело. Джек Фаррелл понимал. Он имел дело с крутыми ребятами, а не с хористами».

«Он слушал, как Джо рассказывал о многих вещах, – вспоминал Вонтез Симпсон, который служил менеджером школьной команды в Бартраме, а позже играл в университетской команде. – Он слушал идеи Джо. Мистер Фаррелл давал ему много свободы в работе с мячом».

Самое главное, тренер с готовностью принял идею использования всего спектра талантов Мармелада, что означало использование навыков дриблинга и паса центрального, чтобы помочь защитникам двигать мяч по площадке и выходить из-под прессинга, с которым сталкивалась команда.

«В первый раз, когда я увидел, как Джоуи играет в Общественной лиге, он сломал прессинг соперника, – со смехом вспоминал Мо Ховард. – Не так уж часто можно было видеть, чтобы другие крупные парни делали это. Тренеры этого не допускали».

«Джей Би, он дал тренеру Фарреллу большую гибкость, когда дело доходило до разрыва прессинга, – согласился Гилберт Сондерс, который также играл в Бартраме. – Джо привлекал людей, потому что Джек Фаррелл чуть ли не позволял ему играть разыгрывающего».

Фаррелл также дал Мармелладу пресловутый зеленый свет на свободные броски.

«Он никогда не совершал бросок, который ему бы не понравился, – смеясь, вспоминал Симпсон. – Он всегда делал дальний бросок из угла площадки. Ты всегда знал, что, если у него будет такой шанс, он им воспользуется».

Почти в любом другом месте в Америке крупный парень, бросающий с угла площадки, немедленно оказался бы на скамейке запасных и получил бы нравоучение в свой адрес. Такой бросок станет одним из основных элементов баскетбола в XXI веке, но в 1972 году он считался признаком вопиющего отсутствия дисциплины.

«Джо нашел в Джеке Фаррелле человека, который мог бы сдерживать его, получая от него все самое лучшее, но и давая ему свободу действий», – говорил Пол Вестхед, позже сделавший то же самое.

«Свобода давала нечто, что можно увидеть», – с восхищением говорил Мо Ховард. – Теперь его не держали на протяжении всех тридцати метров, и он был без опеки на семи метрах от кольца. Тренер Фаррелл знал, насколько хорош Джоуи. Он позволял ему делать все, что нужно, чтобы его коман-

да побеждала. Подумайте об этом. В любой другой школьной команде, где был парень 206 см роста, он стоял бы на чертовом блоке. Так что теперь у Бартрама был парень 206 см роста, который почти никогда не стоял на блоке. А Джоуи, даже будучи молодым парнем, обладал потрясающим баскетбольным интеллектом. Вот парень, который мог бы просто заикнуться на себе, чувак. Если бы он просто заикнулся на себе, то набирал бы по 40 очков за игру, но это было не так. Он был командным игроком, он любил выигрывать».

Несмотря на то, что он не был эгоистичным игроком, доля Брайанта в результатах встреч все равно была очень велика.

«Бартрам не был по-настоящему сильной командой, – добавил Ховард, – но наличие такого парня, как Джоуи, который мог делать то, что он делал, и имел свободу делать это, делало их исключительной командой. Речь идет и о дриблинге, и о пасах, а также о том, что у тебя есть способность делать все это. Он был невероятным, чувак».

Брайант был сильным соперником, но с его стилем игры были также моменты, когда казалось, что он, возможно, был немного более заинтересован продемонстрировать стиль, чем просто игру. Таково будет мнение о нем, которое сохранится за ним и позже, в колледже и профессиональном баскетболе.

«В этом восприятии была доля правды, – сказал Вонтез Симпсон. – Вот откуда это у Коби».

Дебаты

Много лет спустя среди старых игроков филаделфийского баскетбола возник излюбленный спор о том, кто лучше – Коби или Джо Брайант.

Чаще всего старожилы принимали сторону Джо, ссылаясь на его рост и уникальные навыки, чтобы доказать, что он был лучше, чем Коби в подростковом возрасте. Оглядываясь назад на карьеру Мармелада, Джулиус Томпсон сказал, что он был игроком двадцать первого века.

«Я люблю Коби и все такое, но я видел Джо в расцвете сил, – сказал Томпсон, который на протяжении многих лет писал об этой игре и сам тренировал. – Джо был ростом 208 см, и он мог делать все, что Коби мог делать при 198 см роста».

Кроме того, Джо Брайант мог похвалиться достижением, которого у его сына никогда не было, – привести команду к чемпионскому титулу в Общественной лиге Филадельфии.

Под 23 номером Мармелад сделал это в 1972 году, в выпускном классе, когда фанаты заполнили школьный спортзал, чтобы подбодрить его и его товарищей по команде. По ходу сезона он набрал 57 очков (школьный рекорд из 26 удачных бросков с игры) в одной игре и 40 очков в другой. Он был назван MVP турнира Общественной лиги после того, как привел Бартрам к победам над школой Гратц (ее трени-

ровал молодой Джон Чейни, прямо перед переходом к тренерской работе в колледже) и школой Джермантаун, в которой играл будущий игрок НБА Майк Соджорнер.

«Со своими 206 см роста и 109 кг веса Соджорнер играл на передовой рядом с парнем ростом 213 см, что делало Джермантаун большой и сильной школьной командой – даже для Общественной лиги, – но Джо принял вызов, – вспоминал Джулиус Томпсон. – Джо просто взбесился в игре против них. Он просто взял на себя игру, набрав в тот день около 30 очков».

Мармелад набрал 30 очков с 12 подборками в чемпионской игре, а вдохновенная игра товарища по команде Джо Бешеного Пса Прайда способствовала последующей победе.

После этого Джо и его отец стояли рука об руку, улыбаясь фотографу из «Трибьюн», обняв друг друга за плечи и указывая пальцами в небо. Лицо Большого Джо просто сияло.

«Успехи в школе привлекли к Мармелладу внимание всего города, и он был к этому готов, – вспоминал Дик Вайс. – Джо был яркой личностью, когда учился в средней школе. Огромной личностью. Он всегда смеялся, с ним рядом всегда было весело. Он был тихим, он был джентльменом, он всегда был рад видеть тебя, я думаю, что он был потрясающим посланцем не только для Лиги Сонни Хилла, но и для всего города, потому что нельзя было не улыбаться, видя, как он играет. Все его знали, и все его любили».

«Все это возвращалось к Большому Джо, который сам был

таким же, – заявлял Джулиус Томпсон. – Джо умел говорить. Людям нравилось прозвище Мармелад. Он был искрометным, живым. Очень дружелюбным».

Следующим был матч городского чемпионата, в котором чемпионы Общественной лиги встречались с лучшей командой Католической лиги. Общественная лига почти всегда побеждала Католическую команду в борьбе за титул. В тот год Сент-Томас Мор едва не обыграл Бартрам в упорном поединке в самом первом матче сезона. Тем не менее многие рассуждали, что Бартрам в борьбе за трофей оставался безусловным фаворитом благодаря сильной игре Джо.

Большинство команд Католической лиги пытались замедлить игру, чтобы отнять преимущество в атлетизме у команды из Общественной лиги. Но команда Сент-Томас Мор обладала атлетизмом, который мог противостоять Бартраму.

«[Бартрам] вошел в игру слишком самоуверенным, – вспоминал Вонтез Симпсон. – Они думали, что катком прокатятся по Сент-Томми Мор. О, блин, вот это была печалька».

«Мармелад был подавлен этим поражением», – вспоминал Симпсон. Но награда MVP в Общественной лиге была для Брайанта лишь одной из нескольких в том сезоне, и со всеми этими наградами пришел и большой интерес со стороны тренеров колледжей по всей стране. Ему так часто звонили домой, что Большому Джо пришлось сменить номер телефона.

В те дни Сонни Ваккаро, который позже прославился как топ-менеджер компании спортивной обуви, был лохматым учителем средней школы из Питтсбурга, который каждый сезон проводил элитную игру «Все Звезды средних школ страны». Это мероприятие, получившее название «Дэппер Дэн Раунд Бол Классик», привлекало всех лучших тренеров колледжей Америки, которые каждую весну приезжали в Пенсильванию, чтобы посмотреть на лучшие школьные таланты страны.

И Мо Ховард, и Мармелад были приглашены принять участие в игре. Их отцы не могли дождаться поездки на это мероприятие. «У меня был Пинто, – вспоминал Ховард о маленьком Форде, на котором он ездил, – и я до сих пор не знаю, как они втиснули свои жирные задницы в машину и поехали в Питтсбург только для того, чтобы быть там ради Джоуи и меня. Я знаю, что мой отец не знал своего отца. У нас было трудное детство, чувак, и наши папы работали не покладая рук, чувак. Будучи молодыми, мы достигли определенной известности, и это было больше, чем самая большая зарплата, которую могли получить наши отцы».

В те выходные престиж Большого Джо Брайанта стал еще более значимым. Его сын был назван «Самым ценным игроком» в Матче Всех Звезд, что привлекло внимание еще большего числа колледжей, к большому ужасу Большого Джо. Семья хотела, чтобы Джоуи играл в студенческой команде в Филадельфии, чтобы они могли быть близки к его восхож-

дению к славе.

«Эта награда была добавлена к коллекции трофеев Брайанта в доме на Уиллоус-авеню, поистине впечатляющая выставка», – вспоминал Гилберт Сондерс. Сондерса выберут играть за команду Ваккаро в следующем сезоне. Частью проведения турнира «Дэппер Дэн» 1973 года был просмотр фильма об игре 1972 года, в которой Мармелад доминировал над лучшими школьниками страны. «Тогда я впервые понял, насколько талантлив Джо», – сказал Сондерс.

«Джо мог делать на паркете буквально все что угодно, – вспоминал Дик Вайс, – и у него была возможность играть на всех пяти позициях. Он умел вести мяч, он мог играть внутри, он обладал всеми атакующими навыками. В его игре был фигуральный Мэджик Джонсон. Я не говорю, что он сам был Мэджиком, но он освоил все пять позиций. Итак, до появления Мэджика (который должен был появиться на сцене в конце семидесятых) Джо Брайант играл в том же стиле, где он был очень хорош в обращении с мячом на открытом пространстве, играя на других игроков, но создавая ситуации, в которых он действительно мог взволновать толпу этими своими действиями».

От журналистов до тренеров и игроков соперника, почти у всех было мнение, что у Мармелада очень большое будущее. Он мог бы пойти куда угодно, но Мармелад хотел остаться поближе к дому. Он понимал, что в Филадельфии он был героем своего родного города, ему нравилось быть в статусе

местной знаменитости, и он хотел играть в Большой Пятерке города. Дело дошло до выбора между Темплом и «Ла Саль», и Мармелад выбрал «Ла Саль», потому что именно там играл один из его героев, Кенни Дарретт. Тренер «Ла Саль» Пол Вестхед ставил игру на открытом пространстве, использовал стремительный подход, выглядящий очень весело.

«У “Ла Саль” была громкая репутация по производству великих игроков, – объяснил Дик Вайс. – Это началось еще в конце сороковых – начале пятидесятых годов прошлого века, с Тома Гола. Джо должен был стать следующим великим игроком. На самом деле 1972 год был действительно особенным годом в школьном баскетболе Филадельфии, потому что Джо Брайант и Майк Соджорнер, который в конечном итоге отправился в Юту, и Мо Ховард – все были одного класса, и они были большой тройкой. Этим трех игроков хотели заполучить себе все».

Пол Вестхед подтвердил, что Джо должен был стать их следующим великим игроком. «В те дни тренеры действительно не знали об игроках до конца их школьной карьеры, – объяснил Вестхэд. – Я правда не следил за ним, пока он был маленьким мальчиком в возрасте двенадцати, тринадцати или четырнадцати лет. В наши дни он был бы на радаре тренеров колледжа с раннего возраста, например с двенадцати лет. Говорили: “В Западной Филадельфии есть один паренек, который действительно умеет играть”. Когда я впервые связался с Джо, он был старшекласником. У него

был чудесный природный дар. И ему нравилась эта игра, вот он и работал над ней. Не то чтобы Джо был ленивым игроком. Нисколько. Потому что он любил эту игру. Баскетбол, казалось, был тем, кем был и он сам. Он умел играть. Это никогда не было проблемой».

Пока Джо выбирал «Ла Саль», Мо Ховард согласился играть в «Калифорнийском университете Лос-Анджелеса Востока», как тренер Лефти Дризелл называл свою Мэрилендскую программу.

Приняв решение, два баскетбольных друга провели весну и лето, атакуя городские площадки. Ховард со смехом вспоминал: «В старших классах мы с Джо Брайантом почти все делали вместе. Я забирал его после того, как он выходил из школы. Я ехал из своей школы в его школу и забирал его. Мы садились в машину и отправлялись играть в баскетбол. Чувак, по всему городу – разные досуговые центры, игровые площадки. В пригороде было несколько лиг. Мы были старшекласниками, играющими против мужиков, и мы всыпали этим парням по первое число, чувак. Просто громили их».

«Эксплорерз»

Но вот чего Мо и Джо не могли сделать, так это создать Национальную ассоциацию студенческого спорта. Руководящий совет спортивных отделов колледжей снова изменил свои правила академического отбора, на этот раз в по-

пытке обеспечить академическую успешность поступивших спортсменов. Новая формула означала, что ни Брайант, ни его друг Ховард не смогут играть на первом курсе.

Ховард все равно уехал в Мэриленд, и Джо Брайант провел много времени в доме Гилберта Сондерса в тот, оказавшийся потерянным, год. Он играл во внутренних играх в «Ла Саль» и постоянно присутствовал на своих старых убежищах – игровых площадках.

Все еще невероятно худой для студента-второкурсника колледжа (он весил менее девяноста килограммов), он впервые сыграл за «Ла Саль Эксплорерз» в сезоне 1973/74 годов и сразу же обновил кадровый резерв школы. Вестхед, уже успевший приобрести репутацию знатока Шекспира, председательствовал на играх с ученым видом, одетый в водолазку и спортивную куртку.

Мармелад выступил в своей роли, сыграв в игру, которая представляла собой баскетбольную версию пятистопного ямба. Студенческое издание «Ла Саль» охарактеризовало его как «яркого гения».

«Дело было не только в его росте, – вспоминал Вестхед. – Он был текучим игроком. Он мог плыть туда и сюда. Статика ему была чужда. Это слово для него ничего не значило. Он всегда двигался вправо, влево, вверх, вниз. В его игре было много прыгучести. Это было оправдано и в обороне. Он всегда искал момент, чтобы украсть мяч».

Будучи молодым тренером, Вестхед любил игру на откры-

том пространстве, а это означало, что его команда много прессинговала, чтобы много бегать. Во-первых, Брайант мог забрать отскок в защите, и, благодаря своим навыкам обращения с мячом, ему не нужно было передавать мяч разыгрывающему.

«Он из тех парней, которые могут получить оборонительный отскок и бежать от начала до конца площадки с мячом на дриблинге, – объяснил Вестхед. – В семидесятые годы и годы спустя такое не так чтобы часто можно было бы увидеть».

Пять лет спустя 183-сантиметровый Мэджик Джонсон получил известность за подобный вид мастерства, приведя команду «Мичиган Стэйт» к титулу национального чемпиона, а затем – «Лейкерс» к пяти титулам НБА.

В 2015 году Дреймонд Грин помог «Голден Стэйт Уорриорз» выиграть титул чемпиона НБА, став особенным тяжелым форвардом, который мог уйти в быстрый отрыв. Но большой парень с навыками защитника был практически беспрецедентным явлением в 1974 году.

«Джо Брайант сделал это еще до того, как мир узнал, что это вообще можно сделать, или до того, как тебе разрешили это сделать», – сказал Вестхед.

Присутствие Мармелада помогло создать тот быстрый темп, который хотел Вестхед. «Он считал, что ты должен полностью переигрывать соперника, – сказал Джулиус Томпсон. – Если он не забил 50 очков к перерыву, он был рас-

строен».

«Вестхед был тренером стиля беги-и-бросай», – заявлял Гилберт Сондерс.

Сам Вестхед сформулировал это по-другому: «Я думаю, что смог распознать его талант, понять, насколько он хорош, и позволить ему делать свое дело. Я не задействовал его в качестве разыгрывающего. Но во время игры он будет меняться и делать все что угодно. Это не было, как будто Джо был везде и делал то, что ему хотелось. Джо был из тех парней, которые могут найти способ сделать свое дело, особенно когда получают мяч в свои руки. Я старался свести к минимуму то нападение на половине площадки, которое у нас было. Я пытался отодвинуть диапазон действий. Мы всегда играли в довольно быстром темпе».

В ноябре 1973 года «Ла Саль» хорошо стартовал, и Мо Ховард почувствовал желание пойти посмотреть, как они играют (в те дни, до кабельного и широкого вещания, игры «Ла Саль» не часто показывали по телевизору). Ховард обнаружил, что Вестхед, похоже, не знал, где находятся тормоза, да и вообще не собирался ими пользоваться. Его команды играли с шашками наголо, идеальный стиль для Мармелада.

«Это был Би. Именно так Би и играл, – вспоминал Ховард. – Чтобы это была отличная команда, Джоуи должен был делать то, что он умеет. Вестхед никогда не пытался связать ему руки. “Ла Саль” будет давить на тебя, на всей площадке, на трех четвертях площадки. Они играли очень быст-

ро, потому что Джоуи мог бегать с защитниками. Часто он был парнем в середине с быстрым отрывом».

Филадельфийская «большая пятерка» в тот сезон была фактически тренировочной площадкой для тренеров НБА: Чак Дейли в Пенне, Джек Маккинни в Сент-Джо, Дон Кейси в Темпле и Вестхед в Ла Сале. Единственным тренером «большой пятерки», который не перешел в НБА, был Ролли Массимино из Виллановы, который десятилетиями будет считаться одним из лучших тренеров в студенческом баскетболе. Брайант сделал все возможное, чтобы для всех них устроить шоу.

В среднем за игру он набирал 18,7 очка и лидировал в «большой пятерке» по подборам – 10,8 за игру в том первом сезоне. Большой Джо присутствовал на каждом домашнем матче. В следующем сезоне Мармелад увеличил эти цифры до более чем 20 очков и 11 подборов за игру.

«Задача нового сезона включает в себя контроль над огромными талантами проворного гиганта», – было написано в статье одного из студенческих изданий «Ла Саль».

Второй сезон Брайанта в колледже принес много ярких моментов – победа над Клемсоном, силищей Конференции Атлантического побережья; расстроили идущих шестыми по стране Алабаму, выиграв турнир «Шуга Боул Классик», победу в котором принесло подправление мяча в кольцо на последних секундах матча в исполнении Брайанта; его 34 очка против «Мемфис Стэйт»; и его победный бросок в игре

против «Пенн», команды Чака Дейли.

В какой-то момент «Ла Саль» поднялся до одиннадцатого места в национальных рейтингах того сезона. Брайант и его товарищи по команде Билл Тейлор и Чарли Уайз войдут в первую команду «большой пятерки» в 1975 году после того, как приведут «Эксплорерз» к рекорду 22:7 и выходу в плей-офф регулярного чемпионата лиги. Но в те дни на турнир НСАА⁹ почти никто особо много не ставил. Единственный способ создать заметное событие – выиграть турнир конференции.

Именно там Мармелад обеспечил Вестхеду мучительные воспоминания.

«Матчи чемпионата лиги проходили в колледже “Лафайет”, – вспомнил Вестхед. – Мы в финальной игре, и если выиграешь, поедешь в НСАА. В финале мы играем против колледжа “Лафайет”. Осталось всего две минуты, и мы впереди, скажем, на семь очков. Джо Брайант крадет мяч и бежит вперед для неоспоримого броска из-под кольца, чтобы довести разницу в счете до девяти очков. Он подбегает, подпрыгивает так высоко, как только может, а потом заносит мяч сверху в кольцо, поворачиваясь с широкой улыбкой на лице. В то время в студенческом баскетболе не разрешалось заносить мяч сверху. Это было нарушением правил».

Судьи тут же выдали технический фол, не засчитав бросок и наградив «Лафайет» двумя штрафными бросками и

⁹ Национальная ассоциация студенческого спорта США и Канады.

контролем мяча (ball possession). Все еще широко улыбаясь, Брайант подошел к скамейке и сказал Вестхеду: «Тренер, я просто должен был это сделать».

«Таким образом, игра с семью очками отрыва трансформировалась в отрыв в четыре очка, – вспоминал Вестхед сорок лет спустя, все еще с оттенком недоверия в голосе. – Я был ошеломлен. Не могу сказать, что я вскочил, похлопал его по спине и сказал: “Джо, ты мужик”. Я не кричал на него. Я был в шоке. Он точно знал, что делает. И я могу сказать, что он, вероятно, все рассчитал: “Я ждал этого весь год, и мы выиграем эту игру, так что с того?”»

Этот момент стал символом карьеры Мармелада. «В той игре у него, наверное, было 20 очков, много подборов, – сказал тренер. – Я до сих пор помню, как он украл тот мяч и пробежал весь этот путь, потому что в десяти метрах от него никого не было».

«Ла Саль» боролся за победу и переигрывал в основное время высоко оцениваемую команду «Сиракьюз» в игре первого раунда в «Палестре», в Филадельфии. У Джо Брайанта была выдающаяся игра, но он не забил ставший бы победным бросок за три секунды до конца, и «Эксплорерз» проиграли в овертайме. «Сиракьюз» вышли в «Финал четырех»¹⁰.

После окончания сезона Мармелад объявил, что столк-

¹⁰ Англ. Final Four, «Финал четырех» – термин, часто применяющийся вместо термина «полуфинал»: последние четыре команды, оставшиеся в турнире плей-офф.

нулся с финансовыми трудностями и этой весной выходит на драфт НБА. Вестхед знал, что время было выбрано правильно.

«Оглядываясь назад, можно сказать, что Джо Брайант был первым 206-сантиметровым разыгрывающим в Америке, – сказал тренер. – Но в то время никто не думал об игроках такого роста как о разыгрывающих или играющих с мячом, и вообще как об игроках, у которых есть подобного рода навыки. На самом деле многие люди, которые видели игру Джо, думали, что в нем слишком много энергии, что он делает слишком много всего, что он должен был сделать свою игру менее яркой, более подобающую нападающему, а не действовать так, как будто он разыгрывающий».

Вестхед выслушал критику от скаутов и других тренеров, но не согласился с ней. Для Вестхеда высокий и худющий Мармелад был силой, которую следовало правильно использовать. И тренер согласился, что его лучший игрок готов к профессиональному баскетболу.

С любовью к этим филадельфийским болельщикам, галдящим в его ушах, Джо Брайант был уверен, что он на пути к ошеломляющей карьере. Мысль о том, что может быть и другой исход, едва ли приходила ему в голову.

Глава 4: Пэм и Мармелад

Именно во время учебы в «Ла Саль» Джо Брайант попал под влияние эффектной, статной молодой женщины по имени Пэм Кокс, к большому огорчению ее отца.

«Пэм Кокс могла бы стать адвокатом или кем-то в этом роде, – заметил Джон Смоллвуд, давний спортивный обозреватель *«Филадельфия Дэйли Ньюс»*. – Вместо этого она связалась с сумасшедшим Джо Брайантом».

Это в значительной степени отражало точку зрения ее отца, Джона Кокса II. Он явно не мог смириться с мыслью, что его дочь связалась с Мармеладом. Члены семьи вспоминают, как он спрашивал, как этот парень сможет содержать ее и сохранять тот образ жизни, к которому она привыкла.

«Она могла делать все, что хотела, – соглашался Дик Вайс. – Она была похожа на модель с подиума, красивая девушка. Я уверен, что [ее отец] ожидал, что она выйдет замуж за врача или адвоката, – говорил Вайс. – Он никогда не думал, что она выйдет замуж за профессионального баскетболиста с Юго-Запада Филадельфии».

И все же их пара объединит два глубоких баскетбольных генофонда. Брат Пэм, Джон Артур Кокс III, по прозвищу Пухляш, был одним из лучших защитников по школьникам и позже играл в студенческий баскетбол в Вилланове и Университете Сан-Франциско. А Джо уже пробивался в НБА.

Однако ни Джо, ни Пухляш не могли обеспечить ключевой элемент личности, который сделал бы Коби Брайанта одним из самых великих участников игры.

«Она сногшибательна, она смертоносна – Пэм Кокс, чувак, – со смехом объяснил Мо Ховард, и это мнение снова и снова повторялось среди друзей пары. – Она красивая женщина, но есть в ней и хладнокровный убийца».

Пэм Кокс также отличалась необычайной личной дисциплиной, еще одной ключевой чертой, которую она привила своему сыну.

«Это она заставила Джо идти по прямой и узкой дорожке, – сказал Вонтез Симпсон. – Джо был как большой ребенок. Ты не мог с собой ничего поделывать, кроме как полюбить его».

Некоторые друзья говорили, что не случайно, когда Пэм и Джо стали встречаться, тренер Брайанта обнаружил, что на третьем курсе тот стал более сосредоточен и контролирует себя. Вестхед смеялся над этим соображением. «Из-за того, что они начали встречаться, он перестал прятать мяч за спину? – спросил тренер. – Нет, я не заметил ничего подобного. Я просто шучу. Я знал, что, встретившись с ней, можно было сказать, что она хороший человек, и поэтому будет полезна для Джо».

Некоторым наблюдателям такое сочетание казалось невероятным. Во-первых, их семьи были очень разные. В то время как Брайанты прибыли в город сравнительно недавно, бу-

дучи беженцами из Джорджии, сразу же оказавшимися в затруднительном финансовом положении, Коксы были старой филладельфийской семьей, чьи свадьбы и светские мероприятия можно было найти на страницах «*Филадельфия Трибьюн*», одной из старейших афроамериканских газет в стране.

Первый Джон Кокс, женившийся в 1933 году, был столпом Прихода Святого Игнатия, старинной религиозной общины в Западной Филадельфии, которая объединяла немецких иммигрантов с момента своего основания в 1890-х годах. Кокс посещал Приход Святого Спасителя, который был основан в 1924 году как Католическая религиозная община для афроамериканцев в Западной Филадельфии. Но немецкоговорящее население этого района переживало заметный спад, и к 1928 году Белая Конгрегация Святого Игнатия обратилась к Святому Спасителю с просьбой о слиянии.

Из этого союза Приход Святого Игнатия вскоре вырос в сильную организацию с амбициозной общественной программой, со школой и домом престарелых в числе начинаний. Джон Кокс-старший вступил в должность управляющего благотворительным магазином Святого Игнатия, прибыль от которого обеспечивала основное финансирование дома престарелых и других программ. К 1950-м годам благотворительный магазин был настолько силен и так хорошо управлялся Коксом, что приход не нуждался в дополнительном финансировании от Филадельфийской архиепископии, со-

общала «Трибьюн».

Приток афроамериканских мигрантов на протяжении десятилетий создавал множество точек социального и расового напряжения по всему городу, но Святой Игнатий служил интегрирующим фактором вопреки конфликтам. Признаком этого, возможно, появился в 1956 году, когда после многих лет игнорирования Джон Артур Кокс-старший одним из первых чернокожих был, наконец, выбран в «Рыцари Колумба» – благотворительное и социальное братство веры. Отсутствие интеграции в местную ложу уже давно было предметом споров в конгрегации, хотя Кокс, казалось, преуменьшал это, заявляя о своем фундаментальном оптимизме в интервью «Трибьюн».

«Нет ничего трудного в том, чтобы присоединиться к организации или остаться в ней, – сказал он о “Рыцарях Колумба”. – Мы знаем, что в сердцах некоторых людей живет некоторая враждебность, но она уменьшается с каждым днем».

Его сын, Джон Артур Кокс-младший, получил известность в конце сороковых и начале пятидесятых годов за свое мастерство боксера и за игру в баскетбол в общественных командах, но это была очень ограниченная эпоха возможностей для молодых чернокожих. Вместо того чтобы поступить в колледж, младший Кокс поступил на службу.

К 1953 году он был двадцатилетним рядовым армии США, который вернулся домой с подготовки для быстрой женитьбы с на Милдред Уильямс, семнадцатилетней краса-

вице: месса в церкви Св. Игнатия, как сообщали в «Трибьюн», прошла в 7:30 утра. Свадьба была настолько поспешной, что не было времени на прием. Супруги произнесли клятвы за завтраком, и рядовой Кокс поспешил на Аляску, чтобы служить там в военной полиции.

Джон Артур Пухляш Кокс III будет их первым ребенком, а вскоре за ним последует и его сестра Пэм.

Как только его военная служба была завершена, Джон Кокс II вернулся в Филадельфию и начал карьеру в пожарной службе города, где в течение первых лет предпринял ряд трудных, часто безуспешных попыток интегрироваться. Ему предстояло пройти через суровые годы управления администрации Риццо и стать одним из первых черных лейтенантов в департаменте, что само по себе было немалым подвигом.

Он обладал определенной филадельфийской твердостью. «Мистер Кокс был городским парнем, – объяснял Мо Ховард. – Он вырос в Западной Филадельфии. Он не был из богатой семьи или чего-то подобного. Он и его жена обеспечивали вполне приличный образ жизни для Пэм и Пухляша. Когда я впервые встретил Пухляша и Пэм, они жили в Фэрмаунт Парке, самом большом городском парке в мире. Так что иметь дом рядом с Парком Фэрмаунт – это достижение, особенно для чернокожих людей».

Этот район, более известный как Парксайд, сильно отличался от той части Западной Филадельфии, где вырос Джон Кокс, рассказывал Ховард: «Это было лучше, чем на дне. По

мне, так для мистера и миссис Кокс такое взросление дало им стимул и мотивацию к успеху, который они и реализовали».

Джон Кокс II представлял из себя довольно сложную личность, вызывающую противоречивое отношение даже в его собственной семье. Гейл Уильямс, близкий родственник Милдред Уильямс Кокс, написал вымышленный рассказ о семье баскетбольной звезды, в котором нарисовал нелестные портреты персонажей, представляющих как Пэм Кокс, так и ее отца. Друзья семьи в интервью подтвердили некоторые сложные элементы личностей отца и дочери, однако многие знакомые также говорили и о компенсирующих это качествах.

Любопытным обстоятельством было то, что Большого Джо Брайанта, человека с очень ограниченными средствами, очень часто цитировали и фотографировали в местных газетах, в то время как Джона Артура Кокса II – человека выдающегося и занимавшего высокий пост в городском пожарном департаменте, – по-видимому, никогда не цитировали и не фотографировали, несмотря на то, что он был отцом замечательного сына, зятем и внуком. Это было почти так же, как если бы он старательно избегал общественного внимания.

Баскетбольная любовь

Джону Коксу, возможно, не нравилось, что его дочь связа-

лась с Мармеладом, но это был союз, который продлился десятилетия и произвел на свет троих талантливых детей. История Пэм и Мармелада сама по себе станет центральным и определяющим элементом в жизни их знаменитого сына, начиная с его воспитания и заканчивая принципиальным конфликтом, который позже стал знаковой отметкой в их жизни.

Пэм вспоминала, что впервые узнала о Джо еще ребенком, потому что их бабушка и дедушка жили рядом. В то время Мармелад определенно не был тем, кто ее интересовал, как сказала она однажды репортеру.

«Джо всегда знал Пэм через Пухляша», – объяснял Гилберт Сондерс. Ее брат и Джо Брайант обладали добродушным характером и огромным талантом. Мармелад и Пухляш нравились друг другу, будучи молодыми игроками, они смотрели на мир почти одинаково.

Пухляш был на год младше Мармелада и Мо Ховарда в школе, и они часто играли против него и вместе с ним. Ховард вспоминал: «Пухляш всегда говорил: “Я хочу быть так же хорош, как и вы, ребята. Чем бы вы, парни, ни занимались, я хочу заниматься именно этим”. Чтобы сделать это, ты должен забивать, чувак. У Джоуи был один из самых высоких средних показателей в Общественной лиге; Пухляш был одним из тех парней, которые находились аккурат после него в таблице бомбардиров. Пухляш был на класс младше нас. Пухляш был очень, очень хорошим игроком».

Он играл с заметной уверенностью. Много лет спустя Хо-

вард смотрел на молодого Коби Брайанта и вспоминал брата Пэм. «В самом начале карьеры Коби его стиль был от Пухляша Кокса», – сказал Ховард.

Одним из необычных факторов, который, казалось, привлекал всеобщее внимание, было то, как сильно Пэм Кокс обожала своего брата. «В ее глазах Пухляш не мог сделать ничего плохого», – вспоминал Вонтез Симпсон.

Со временем стало ясно, что Пухляш Кокс был избалован любящими родителями и сестрой до такой степени, что его отец обратился к Сонни Хиллу за помощью в решении этой проблемы.

«Семья Коксов передала его мне, – вспоминал Сонни Хилл. – Пухляш происходил из аристократической семьи. Он был в значительной степени избалован, и его семья передала его на мое попечение в мою лигу. Я стал определяющей частью жизни Пухляша с точки зрения структуры, дисциплины и баскетбола».

Пухляш Кокс не только поделился своим стилем и любовью к роскоши со своим племянником Коби. Кроме того, оба они были любимцами в семье, и родные постоянно заискивали перед ними.

Пухляш и Пэм поначалу жили в Филадельфии, посещая среднюю школу Овербрук, но семья купила дом недалеко от Мэйн Лэйн в пригороде Парксайд, что означало, что Пэм и Пухляш перешли в школу Роксборо, где не было таких ярких баскетбольных традиций и где Пухляш мог легко подняться

в качестве звезды площадки.

Супруги Кокс приобрели весьма эксклюзивный загородный дом, принадлежавший Мохаммеду Али, с бассейном и домиком при нем. Собственность, которую семья могла себе позволить с рангом Джона Кокса в пожарной службе и работой его жены Милдред в федеральном правительстве.

«Коксы были трудолюбивыми людьми, которые могли позволить своим детям вести отличный образ жизни, – заметил Мо Ховард. – Они не считали себя лучше других. Они относились ко всем одинаково. Когда я с ними познакомился, они весьма хорошо держались».

Некоторые полагали, что семейный очаг Пухляша и его привлекательная сестра так заморозили Мармелада, что он часто навещал дом Коксов. Тем не менее, Мо Ховард с этим не согласен: «Я не думаю, что какая-либо привлекательность материального успеха властвовала над Джоуи. Джоуи был все тем же самым парнем, когда у него не было всего этого и когда у него все это появилось. В их доме были все удобства. И Джоуи просто принял это, понимаешь? Такие вещи не определяли того, кем был Джоуи».

Тем временем мистер Кокс приобрел репутацию человека, которому не нравилось, когда люди слонялись по его территории и плавали в его бассейне.

Джон Кокс охранял не только бассейн. «Мистер Кокс не хотел, чтобы кто-то приходил в дом обедать с семьей и встречаться с его дочерью», – сказал Гилберт Сондерс.

Сама Пэм Кокс однажды вспомнила, что ее чувства к Мармеладу возникли однажды вечером, когда команда ее брата, «Вилланова», играла с «Ла Саль». Семьи сидели по разные стороны площадки, и когда она встала, чтобы поздороваться с Большим Джо Брайантом, то обнаружила, что Мармелад направляется в противоположную сторону, чтобы поздороваться с ее родителями. «Это был один из этих самых моментов», – объяснила она позже.

Пэм училась в колледже в Питтсбурге, и дела у нее шли хорошо, но перед началом третьего курса она внезапно переехала в Вилланову. Позже она сказала, что Джо не был причиной ее возвращения в Филадельфию, но сам факт, что она должна была объяснять это, казалось, только поднимал больше вопросов, не говоря уже о беспокойстве ее отца.

К тому времени Мармелад преуспевал в «Ла Саль», но специалистам казалось, что ему все еще не хватает целеустремленности. «Джо был неограниченным алмазом, – объяснял Гилберт Сондерс. – Пэм отполировала его. Джей Би не был выбором ее отца. Но он был открыт для полировки. Пэм отполировала его. Пэм заявила о себе, став его женой».

В какой-то момент Мармелад и Пэм решили вместе переехать на съемную квартиру. Как вспоминал Сондерс: «Они жили в крошечной квартирке в Джермантауне, тогда как она могла бы жить в роскоши с родителями в том комфортабельном доме на Сити Лайн-авеню. Она любила его достаточно сильно, чтобы принять таким, каким он был, независимо от

желаний ее отца».

Напряженность немного снизилась, когда Мармелад был выбран на драфте «Голден Стэйт», четырнадцатым общим выбором первого раунда драфта НБА в июне того года. «Уорриорз» только что выиграла титул НБА, и их тренировал Эл Эттлз, суровый защитник, игравший в профессиональный баскетбол за «Филадельфию Уорриорз» вместе с Уилтом Чемберленом. Казалось, для Мармелада это идеальное место для начала карьеры.

Семья Брайантов была в восторге, и Эттлз позже вспоминал, что он очень хотел тренировать Джо Брайанта. Но, очевидно, начальные переговоры команды с агентом Ричи Филлипсом прошли не так гладко. «Уорриорз» рассчитывали платить ему сумму около \$100 тыс. в год. Филлипс не желал с этим соглашаться.

На протяжении лета «Уорриорз» странно молчали по поводу контракта. В этот период неопределенности Пэм и Джо поженились. Довольно скоро друзья узнали, что она беременна.

«Казалось, они были вместе всего минуту, – вспоминал Вонтез Симпсон. – Всякое случается».

На протяжении десятилетий свадьбы в семействе Коксов были официальными церемониями, подробно описанными позже на страницах светской хроники «Трибьюн». Но Пэм и Мармелад тихо поженились в доме Вирджила Дэвиса, друга, который жил в Западной Филадельфии. Это было такое ма-

ленькое событие, что даже не сопровождалось оплаченной заметкой в «Трибьюн».

Контракт

В те дни команды должны были представить свои предложения по контракту игрокам, выбранным на драфте, к началу сентября. Если командам это не удавалось, они теряли право выбора и игроку разрешалось стать свободным агентом.

«Если вы не отправите этот контракт, вы потеряете на него права, – вспоминал Пэт Уильямс, который в то время был генеральным менеджером «Филадельфии-76». – Ты потеряешь игрока. И вот однажды мне позвонил Ричи Филлипс, бывший помощник окружного прокурора Филадельфии, который представлял интересы некоторых спортсменов, а также профсоюз судей Высшей бейсбольной лиги. Мы с Ричи были друзьями. Он был агентом Мармелада».

Филлипс спросил Уильямса о правилах контракта и сказал ему, что со стороны «Уорриорз» не было никаких подвижек.

Уильямс был ошеломлен. Потерять права на игрока, выбранного в первом раунде драфта, было большим промахом. Франклин Миули, владелец «Уорриорз», который переехал в Калифорнию из Филадельфии в 1962 году, был в тесных отношениях с владельцами «Сиксерс». Уильямс знал, что

«Сиксерс» не захотят беспокоить Миули, поэтому он предложил им подождать несколько дней, чтобы посмотреть, будет ли предложен контракт.

Через несколько дней Филлипс снова позвонил и сказал Уильямсу, что у них все еще нет контракта. Филлипс также обратился в «Нью-Йорк Никс», которые быстро проявили интерес.

Уильямс пошел к владельцу «Сиксерс» Ирву Козлоффу и проинформировал его о ситуации: никакого предложения от исполнительного директора «Уорриорз» Дика Вертлиба не поступало.

«Ох, мне очень не хочется так поступать с Франклином», – сказал Козлофф Уильямсу, и тот ответил: «Ну, кому-нибудь он достанется, Коз, кто-нибудь в конце концов заполучит Джо Брайанта. Довольно хороший молодой игрок, и ты знаешь, что он хочет подписать контракт с нами и остаться в Филадельфии».

Тем временем помощник тренера «Сиксерс» Джек Макмахон только что буквально видел, как Мармелад блестяще выступал во время своего пребывания в Лиге Бейкера. Тренерский штаб выступал за то, чтобы подписать с ним контракт.

«Сиксерс» лишь два года назад провели свой катастрофический сезон 1973 года, когда они сыграли 9–73, худший рекорд НБА за все время. Под руководством тренера Джина Шу они постепенно перестраивались, поэтому им были нуж-

ны все молодые игроки, которых они только могли заполнить.

«И вот мы начали переговоры», – сказал Уильямс.

Как свободный агент, Мармелад Брайант теперь имел рычаги давления. «Мы рассчитывали, что он станет звездой, – объяснил Уильямс. – Мы хотели заполучить этого талантливого игрока. Джо был молодым героем в Филадельфии. В лице Ричи Филлипса он имел преимущество жесткого переговорщика. У Ричи была абсолютная золотая жила, упавшая прямо ему в руки».

В этом сезоне у «76-х» уже было два собственных отличных выбора на драфте: восемнадцатилетний Дэррил Докинз и двадцатидвухлетний Ллойд Фри (вскоре сменивший имя на Уорлд Би Фри). Докинз, пятый выбор на драфте, подписал семилетний контракт на \$1,4 млн, дававший ему чуть больше \$100 тыс. в год.

Джо Брайант, четырнадцатый выбор на драфте, получил трехлетний контракт стоимостью \$900 тыс., и ему выплачивали порядка \$300 тыс. каждый сезон.

«Всего за два года до этого «Чикаго Буллз» платили ветерану Тому Бурвинклу \$45 тыс. в год и испытывали большие затруднения при мысли о том, чтобы платить любимцу болельщиков Джерри Слоуну \$60 тыс.», – вспоминает Уильямс, который приехал в Филадельфию после работы в качестве генерального менеджера «Буллз».

«В то время это был большой кусок, – сказал Уильямс. –

Мы начали работать над этой сделкой и завершили ее, и следующее, о чем вам надо знать, что мы подписали контракт и провели пресс-конференцию. Для Филадельфии это была важная новость. Местный студент-феномен внезапно стал игроком “Филадельфии-76”».

В своем доме на Уиллоус-авеню Большой Джо собрал всю семью. Вся его баскетбольная поддержка сына окупилась так, как он и представить себе не мог. «В тот вечер, когда он подписал контракт с “76-ми”, мы все вместе плакали и молились», – позже вспоминал отец.

После этого Мармелад заявлял, что его игра в Бейкер Лиге Сонни Хилла принесла ему дополнительные \$800 тыс., и это заявление Сонни Хилл повторял много раз в последующие десятилетия.

Потеря выбора в первом раунде драфта нанесла «Уорриорз» огромный удар. Команды НБА буквально живут способностью развивать молодые таланты. Хотя закрытие Американской баскетбольной ассоциации в следующем сезоне создало изобилие доступных игроков, потеря выбора первого раунда с административной точки зрения была ошибкой, которую команда не хотела предавать огласке. Таким образом, в течение многих лет реальные обстоятельства будут заменены на версию обмена.

«Я даже не знаю, что “Сиксерс” дали нам за Джо Брайанта, – уклончиво скажет позже Эл Эттлз. – Этим занимался Дик Вертлиб. Мне нужен был Джо».

Несмотря на большой контракт Джо, времена для профессиональных баскетболистов оказались довольно ненадежными. Вдобавок к потере команд АБА, НБА еще больше сократила свои списки составов на одного игрока, что вылилось в ликвидацию рабочих мест и еще худшую ситуацию для игроков.

Время и обстоятельства, казалось, были почти идеальными для Джо Брайанта, выпускавшегося из «Ла Саль». Если у него еще не было чрезмерных ожиданий, то гигантский контракт говорил ему, что он мгновенно должен был стать звездой.

«Мы наткнулись на целый арсенал молодых талантов», – сказал Пэт Уильямс, оглядываясь назад.

«У нас глаза разбегались», – сказал Дик Вайс о составе «Филадельфии».

Баскетбольные болельщики в Филадельфии считали Мармелада своим любимым сыном, и они праздновали, зная, что один из них теперь игрок «Сиксерс».

«Все были в восторге, чувак, – вспоминал Мо Ховард. – Джоуи будет в Филадельфии, он будет в “Сиксерс”. Мы просто знали, что в этой команде есть кто-то, кого он собирается посадить на скамейку запасных. Кто-то должен был присесть из-за Джоуи».

Ситуация сразу же вызвала вопрос: а кого же может заменить Мармелад?

Глава 5: Отряд бомбометателей

По мнению Пола Вестхеда и Мо Ховарда, Джо Брайант был первоклассным талантом для НБА. Но добавление Мармелада в команду создало странный состав «Сиксерс», со стартовыми игроками, состоящими из непримиримых ветеранов и подпоркой из очень молодых резервистов.

Перед Брайантом в иерархии были отличные форварды-ветераны Билли Каннингем, Стив Микс и Джордж Макгиннис. Новички были молоды, неопытны и дико неустойчивы. Следовательно, поначалу им было уготовлено ограниченное время на площадке.

Молодые таланты со скамейки запасных – Фри, Докинз и Брайант – станут известны как «Отряд Бомбометателей» за их пристрастие к броскам из любого места площадки. Будучи местным фаворитом в течение многих лет, Брайант питал большие надежды на успех, однако его первый сезон в НБА стал для него ледяным душем.

«Джо изредка получал место на площадке, – вспоминал Пэт Уильямс. – Ему было трудно получить игровое время, которое он так хотел. Он был колоритен в работе с мячом. Он был шоуменом, и у него было это замечательное прозвище. Я помню много вечеров, когда он был на площадке, и толпа ревела. Не уверен, что тренеры это оценили, но он был настоящим шоуменом. С ним всегда так было».

Тренером был Джин Шу. «Он был ветераном, прошедшим огонь и воду, – сказал Уильямс. – Мы неожиданно предоставили ему целый арсенал из молодых игроков».

Как и большинство тренеров в ту эпоху, Шу не был известен своими педагогическими способностями. Это не входило в его должностные обязанности, как это уже стало в двадцать первом веке, когда команды НБА массово начали брать молодых игроков. В 1975 году профессиональный баскетбол оставался достоянием взрослых мужчин.

«Джин был ветераном в баскетболе и ожидал, что его игроки будут знать, что они делают, – сказал Пэт Уильямс. – Он сам был старым профессионалом. Он уже много лет тренировал. Тренировал великих “Буллетс”. Джин был самим собой. Его подход был таков: “Вот как следует играть в эту игру”. Он ожидал, что они так и будут делать».

«Сиксерс» обнаружили Дэррила Докинза в средней школе Флориды, спрятали его до драфта, а затем заплатили ему, чтобы он стал профессионалом, один из первых случаев, когда игрок сразу из средней школы перешел в НБА (хотя годом ранее Мозес Мэлоун перешел из средней школы в АБА).

«У Шу была целая конюшня, полная молодых игроков, все они хотели играть в мяч, хотели получать свои минуты, – сказал Уильямс, – и было трудно дать им эти минуты. У нас есть Джо, у нас есть Дэррил, у нас есть Уорлд Би Фри, и все они хотят получить достаточное количество игрового времени. То еще зрелище для “76-х” 1975-х и 1976-х годов. Это

определенно было приключение».

Поскольку Брайант играл мало, авторы «Трибьюн», газеты, служащей афроамериканскому сообществу, казалось, были в ярости от того, что Шу не использовал его более серьезно.

«Мы были озадачены, – сказал Мо Ховард о кружке друзей и приятелей Брайанта по баскетболу, – потому что мы не могли понять, почему никто другой не мог понять, какой из Джоуи баскетболист. Люди ходят на игры только для того, чтобы увидеть Джоуи, понимаешь, о чем я? Я часто ходил смотреть, как играет Джоуи. Поймите, я всегда видел, что он играет так, как играет. По периметру ты увидишь пас за спиной. Тренер его сажает на скамейку. Он бежит в отрыв, ловит мяч примерно в пяти-шести метрах от корзины, вытягивается и делает прыжок. Если не забивает, то его убирают с площадки. Знаешь ли, мы в Филадельфии не привыкли такое видеть».

Внезапно местные болельщики Мармелада стали чем-то вроде обузы. Куда бы он ни пошел, Брайанту приходилось объяснять, почему он не играет, что было трудно, потому что он сам этого не понимал. Впервые в жизни он оказался в стороне, лишь наблюдая за игрой, которую любил. В душе он был глубоко разочарован.

«Мы просто ходили смотреть, как играет Джоуи, и не могли видеть его, как мы говорим, “балдежным”, потому что мы знали, что он может играть, – это тоже расстраивало нас, –

объяснял Мо Ховард. – Особенно учитывая, что он парень из Филадельфии, особенно на домашней арене. Он был 206-сантиметровым игроком внешней границы поля, который мог играть и бросать. Он был верным командным игроком. Он не делал ничего такого эгоистичного; он делал все, что должен был делать, чтобы помочь своей команде победить. Вот кем был Джоуи. И надо отдать должное, что делал он это с чуть большим талантом, чем некоторые из защитников».

И любовь Шу к Брайанту, и его разочарование обстоятельствами все еще очевидны в интервью сорок лет спустя.

«Джо играл считанные минуты, но все эти игроки в то время были детьми малыми, – вспоминал Шу. – Они хотели больше играть, а для них просто не хватало минут. Мне всегда нравился Джо Брайант. Мне нравился Уорлд Би Фри, но опять же, они были просто очень, очень маленькими детьми. Помню, что Дэррилу было восемнадцать, Джо, вероятно, двадцать, а Уорлду Би Фри, вероятно, девятнадцать. У Джо просто не было свободных минут, чтобы по-настоящему пруспеть, поэтому он получал ограниченное количество времени, выходя со скамейки запасных».

Вскоре «Сиксерс» почувствовали отсутствие контактов со средствами массовой информации, а затем негативное отношение со стороны местного социума, и все это время они пытались восстановиться после катастрофического сезона 1973 года, который превратил атмосферу профессионального баскетбола на городской арене «Спектр» в мавзолей. Шу позво-

ли, чтобы улучшить игру команды на площадке, а болельщики хотели видеть Брайанта в действии.

«В 73-м не было журналистов, – вспоминал тренер. – Не было никакого освещения в прессе, не было никакой поддержки. Мы играли ради горстки болельщиков. Это была худшая команда в истории игры».

Шу увеличил общее количество побед до двадцати пяти в своем первом сезоне, тридцати четырех во втором, и вел команду к сорока шести победам и месту в плей-офф в первый год Брайанта. Вместе с успехом, как он сказал, к освещению игр вернулись и средства массовой информации: «А теперь вдруг все эти журналисты поползли назад. Внезапно мы теперь уже и команда. И они ползут обратно».

Бит-писатели¹¹, освещающие игру команды, постоянно вспоминали Докинза, Фри и Брайанта и писали в репортажах о нехватке у них игрового времени.

«Я совсем не виню игроков, – вспоминал Шу, все еще испытывая сильные чувства сорок лет спустя. – Я виню журналистов, потому что они каждый день искали негативные истории о том, почему ты не играешь. Они добивались до Дэррила, добивались до Джо и добивались до Уорлда Би Фри. И эти игроки показывали свое разочарование, потому что они не играли. А журналисты писали кое-что о команде, кое-что о разногласиях. Об игроках и о том, что те хотят, – больше

¹¹ «Бит-поколение» – название группы американских авторов, возникшей в 1940-х.

времени».

Была надежда, что присутствие Мармелада поможет решить давнюю проблему городского профессионального баскетбола, которая возникла, когда «Филадельфия Уорриорз» выиграли титул в первом сезоне НБА с белым прыгучим бомбардиром из Кентукки по имени Прыгающий Джо Фулкс. Они снова выиграли титул в 1956 году, снова с белыми звездами, в частности, Полом Аризином, Нилом Джонстоном и Томом Гола, который сам был из Филадельфии. «Они никогда по-настоящему не могли установить контакт с болельщиками Северной Филадельфии, с черным сообществом, а у них были эти потрясающие игроки», – объяснил Дик Вайс.

«Позже они добавили филадельфийца Уилта Чемберлена, в начале шестидесятых, что помогло им заполнять места на арене», – добавил Вайс. – А те старые “Филадельфия Уорриорз” с Уилтом, Аризином и Гола, они были больше, чем жизнь. Сегодня в Филадельфии все еще говорят, что Уилт был лучшим игроком, когда-либо игравшим в лиге».

Несмотря на то, что они имели успех на площадке, «Уорриорз» были проданы на западное побережье после сезона 1962 года, в котором Чемберлен в среднем набирал дикие 50,4 очка и 25,7 подбора за игру. В марте этого года Ходуля Уилт, самый любимый сын Филадельфии, набрал 100 очков в игре, и команда вышла в финал конференции в плей-офф.

Как писал обозреватель газеты «Филадельфия Инквай-

пер» Фрэнк Фицпатрик, переезд «Уорриорз» после такого великолепного сезона был «острой, как смерть, болью. И хотя со временем пришло исцеление, но обоснованность – нет. Тогда я не понимал этого переезда, да и сейчас, пятьдесят три года спустя, до сих пор не понимаю».

Давний владелец «Филадельфии Уорриорз» Эдди Готлиб в 1979 году унес с собой в могилу свое обоснование этого переезда. В то время, когда они были проданы, «Уорриорз» имели пятую лучшую посещаемость там, что тогда было просто лигой из девяти команд, около 5500 человек за игру (что показывает, насколько отличалось присутствие НБА в ту эпоху).

После ухода «Уорриорз» «Сиракюз Нэшнлз» переехали в Филадельфию и стали «76-ми», которые вновь забрали себе Чемберлена и выиграли с ним титул чемпиона НБА в 1967 году, но через год обменяли его в «Лейкерс».

Мягко говоря, быть профессиональным баскетбольным болельщиком в городе было мучительным опытом, и «Сиксерс» надеялись укрепить фанатскую базу, продемонстрировав некоторые местные филадельфийские таланты. Но поскольку Мармелад мало играл, пребывание его в команде еще больше расстраивало болельщиков, что объяснил Вайс: «Вот почему “Филадельфия” действительно долгое время уклонялась от того, чтобы брать на драфте игроков, родившихся в Филадельфии. Потому что они решили, что если парни из Филадельфии не будут играть, то ты не сможешь

представить это болельщикам в выигрышном свете. Потому что вся фанатская база придет на арену и удивится, почему парень из Филадельфии не играет. Именно так и случилось с Джо».

Большая часть проблем команды на площадке в том первом сезоне была связана, как сказал Шу, с молодостью, отсутствием опыта и непостоянством всех трех талантливых новичков. Новичкам часто дают время, чтобы те приспособились к скоростям НБА, но команда находилась под давлением болельщиков и средств массовой информации, которые настаивали на том, чтобы Джо играл.

«*Филадельфия Трибыюн*» – ключевое средство массовой информации в надежде команды привлечь сообщество болельщиков – дала понять, что они не довольны тем, как Джо Брайант был принят в начале своего первого сезона.

13 декабря 1975 года газета объявила, что ШУ ВЕДЕТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИГРЫ С БУДУЩИМ ДЖО БРАЙАНТА.

Что еще больше осложняло ситуацию, так это распространенные мнения об игроках-«понторезах» в ту баскетбольную эпоху. Когда в 1940-х годах НБА была полностью белой, лиге не удавалось продавать много билетов, но затем она добилась некоторого успеха, объединив игры НБА с матчами команды «Гарлем Глобтроттерс». Уже давно считается, что только это позволило лиге выжить в ранних сезонах.

По мере того как НБА становилась немного более устой-

чивой, полностью белые «Миннеаполис Лейкерс» и полностью черные «Глобтроттерс» сражались в серии прямых баскетбольных игр в 1940-х и 50-х годах, и матчи эти были порой противоречивыми. Учитывая расовый климат в Америке в то время, понятно, что ситуация одновременно способствовала как взаимопониманию, так и расовой вражде.

Даже акт броска сверху был оспорен в рамках моральной ценности эпохи. Джим Поллард, спортивная звезда «Миннеаполис Лейкерс», однажды объяснил, что белые игроки, которые могут забить сверху, не хотят этого делать, потому что это считается позерством или демонстрацией преимущества перед соперником.

И хотя «Глобтроттерс» предлагали множество шоу и развлечений с причудливыми манипуляциями с мячом и комедийными сценками, которые восхищали болельщиков, они тоже мало забивали сверху в эпоху сразу после Второй мировой войны. Это просто не считалось частью игры.

Однако со временем дебаты о позерстве окажутся гораздо более сложными, нежели просто расовыми. Один из величайших игроков-позеров в истории игры, Пистолет Пит Маравич, пришел в «Атланта Хоукс» в качестве новичка в 1970 году, подписав контракт на \$2 млн, в то время когда команда отказывалась давать звездам-ветеранам, таким как Ленни Уилкенс и Джо Колдуэлл, даже скромную прибавку к их зарплате, которая составляла менее \$100 000 в год.

Ричи Герин, тренер «Хоукс», в течение многих лет имел

репутацию одного из самых упрямых соревновательных умов в НБА, и он превратил «Хоукс» в команду-победительницу с жесткой игрой. «Стиль игры Пита оскорбил меня как тренера и наших игроков», – сказал Герин в 1992 году, оглядываясь на два сезона, которые он тренировал Маравича за «Хоукс».

Подобные взгляды оставались преобладающими в 1976 году, что сыграло свою роль в том, как был воспринят кричащий стиль Мармелада. Но прежде чем он смог хотя бы получить шанс показать себя, Брайант должен был просто суметь выйти на площадку.

В январе звезда команды Билли Каннингем получил травму колена, которая открыла для Брайанта игровое время. В соответствии со своими позерскими выходками Брайант проявил склонность атаковать корзину парящими бросками сверху, которые сбивали с толку центровых соперника. Он сделал это в начале января над 213-сантиметровым Элмором Смитом из «Милуоки Бакс», торжествующе потрясая кулаком.

Его энергия была физически ощутима. «Я просто очень хочу играть, – сказал он газете *«Делавэр Каунти Таймс»*. – Это то, что удерживает меня на площадке. Каждый раз, когда я получаю шанс, я играю от всего сердца».

«Джо Брайант – настоящий профессиональный игрок, – сказал Шу журналистам в тот вечер. – Его самым большим достижением стала общая уверенность в себе. В начале года

ему было трудно, потому что он не мог взять себя в руки. Отчасти из-за того, что я держал его на привязи, то выпусткая, то сажая его на скамейку от игры к игре».

К ФЕВРАЛЮ БРАЙАНТ ЗАЯВИЛ НЕДОВЕРЧИВЫМ ЖУРНАЛИСТАМ, ЧТО ВСЕ ЕЩЕ НАДЕЕТСЯ НА ЗВАНИЕ НОВИЧКА ГОДА.

«Я поставил себе целью завоевать эту честь». Он ее не добьется. Алван Адамс также претендовал на эту награду, набирая в среднем более 19 очков и 9 подборов, помогая «Финикс Санз» выйти в финал НБА той весной. В течение регулярного сезона Мармелад появился в семидесяти пяти играх, в среднем играл шестнадцать минут за матч, набирал 7,4 очка и 3,7 подбора, достаточно солидные цифры для новичка, но недостаточно, чтобы соответствовать ожиданиям своим и сообщества. Брайант даже не попал в команду новичков, хотя «Трибьюн» в апрельской статье объявила его новичком года и лучшим новичком-нападающим, продемонстрировав еще одно свидетельство привязанности сообщества к своему любимому сыну.

«Сиксерс» завершили регулярный чемпионат с сорока шестью победами и взяли верх над «Баффало Брейвз» в серии до трех побед первого раунда. Брайант мало играл в первой проигранной игре, а затем набрал 12 очков во второй, выигранной игре, которая сравняла счет в серии.

Накануне третьей игры «Трибьюн» опубликовала статью о Пэм, миссис Джей Би, двадцатилетней даме. То, что газета

опубликовала статью о жене игрока, который не имел большого влияния на надежды «Сиксерс» на плей-офф, указывало на уровень известности, которым Брайанты пользовались в обществе.

«Мы с Джоуи ужасно много говорим о баскете», – сказала она в интервью газете, добавив, что понимает, что это ее работа – подбадривать его и помогать поддерживать его психологическую готовность, несмотря на его разочарования.

Пэм сказала «Трибьюн», что у них с мужем не так уж много времени на семейные дела. Ее родители жили рядом. Какое-то время они вместе с Джо жили с ними вместе, пока молодожены не купили хороший дом неподалеку, в Лоуэр Мерионе, богатом пригороде города. Они не часто приезжали в Юго-Западную Филадельфию, сказала она, добавив, что Большой Джо все еще часто звонил, чтобы спросить, как она, сначала во время беременности, а затем справиться о внучке Шарии после ее рождения в марте.

Несмотря на неудачи сезона, дом Брайантов быстро стал настоящим центром притяжения, как вспоминал Мо Ховард. «Это был прекрасный дом. Вот куда мы отправлялись после игр. Сидели и смотрели телевизор. Включали музыку, ели, и все такое. И в межсезонье мы туда ходили. Мы работали в дневное время, потом шли туда и тусили, потому что, вы знаете, они были одними из немногих людей, которых мы знали, у кого была в те дни центральная система кондиционирования воздуха».

На следующий день после выхода этой статьи «Сиксерс» проиграли решающую игру «Брейвз» – 123:124. Мармелад был изгнан с поля за фолы после того, как набрал 9 очков.

Суд

Через три недели после окончания сезона жизнь Мармелада была перевернута его бегством от полиции, последующей аварией и арестом. Это было поразительное и разрушительное событие для многих людей, от Большого Джо до Сонни Хилла и многих друзей и поклонников Брайанта. Больше всего был опустошен сам Мармелад.

«Он был просто в бешенстве, – вспоминал бывший генеральный менеджер «Сиксерс» Пэт Уильямс. – Он видел в этом самое худшее. Конец его карьеры и позор в своем родном городе. Для него это было просто кошмаром».

В ту эпоху не было ничего необычного в том, что наркопреступники сразу же попадали в тюрьму за первое же преступление, зачастую на длительные сроки. Сверх этого была затронута еще и проблема общественной безопасности. Джо Брайант носился по городу с выключенными фарами, спасаясь от полиции, и причинил значительный материальный ущерб. Добавьте все это к кокаину, и судья может ввести в бой все средства и сделать из него прецедент.

Его жена Пэм немедленно поговорила с репортером «*Трибьюн*» и поклялась, что будет стоять за своего мужа до конца.

Некоторые думали, что эта ситуация доведет Джона Кокса до апоплексического удара, но семья Коксов уже сталкивалась с юридическими проблемами в августе 1974 года, когда Пухляш был обвинен в публичном инциденте с похищением кошелька, поставившего его сразу перед несколькими обвинениями в уголовных преступлениях. Он ехал в машине с группой друзей, предложив одному из них выскочить и выхватить у женщины сумочку. Позже Пухляш клялся, что он пошутил, но инцидент быстро был предан огласке, когда репортеры постучали в дверь семейного дома, чтобы написать кошмарные новости во всех газетах Филадельфии.

Ричи Филлипс, бывший прокурор, который год спустя стал агентом Джо, представлял интересы Пухляша Кокса по этим обвинениям и в конечном итоге добился его полного оправдания. Молодой защитник смог перевестись в Университет Сан-Франциско и стать там звездой, играя вместе с Биллом Картрайтом.

В рамках юридической катастрофы Джо Филлипс чувствовал себя вполне уверенно в двойной роли агента и адвоката защиты. Адвокат уверенно заявил журналистам, что его клиент будет оправдан по всем пунктам обвинения, что было несколько удивительно, учитывая гору улик против него.

Предварительное слушание было назначено на начало июня, что в целом означало, что обвинение представит свои доказательства для передачи дела большому жюри для вынесения обвинительного заключения. На этой стадии процесса

защита никогда не давала показаний.

Но, как бывший прокурор, Филлипс хотел ускорить процесс. Он планировал представить доказательства для защиты на предварительном слушании, что было крайне необычным шагом в области связей с общественностью.

Несмотря на суровые приговоры, которые обычно выносятся по обвинению в употреблении наркотиков, в 1976 году кокаин не считался особо серьезным наркотиком. Хотя этот наркотик существовал уже давно, южноамериканские наркокартели смогли только в эпоху диско получить доступ к американским рынкам и начали наводнять страну порошком, который вошел в моду и мгновенно стал популярным среди состоятельных людей.

Американская ассоциация психологов еще не объявила, что наркотик вызывает привыкание, и он, казалось, появлялся повсюду, особенно в НБА, где меняющаяся структура заработной платы обеспечивала игроков большим количеством наличных денег.

К 1976 году многие игроки «засунули эти наличные деньги себе в нос», как говорили в то время. Вскоре НБА приобретет репутацию организации, злоупотребляющей наркотиками.

«Все нюхали, – вспоминал Сонни Ваккаро, топ-менеджер по продаже обуви. – И я действительно имею в виду всех. В те годы вся культура НБА была связана с наркотиками».

Пит Ньюэлл, тогдашний генеральный менеджер «Лей-

керс», вспоминал в интервью 1992 года, что семидесятые были плохим, реально плохим временем для лиги, с характерным густым запахом марихуаны в коридорах командных отелей и вереницей женщин, преследующих игроков и создающих атмосферу сексуального легкомыслия. Кокаин считался афродизиаксом, если того уже не хватало в атмосфере.

Многие игроки стали сексуально-одержимыми, как объяснил бывший игрок «Лейкерс» Лу Хадсон в 1992 году: «Они буквально были поглощены этим».

Ньюэлл сказал, что руководители команд просто не знали, что делать с ситуацией в то время, когда сама лига не имела реальной политики в отношении наркотиков. Поскольку Лос-Анджелес служил чем-то вроде эпицентра контркультуры, «Лейкерс» стали нанимать детективов полиции нравов из Лос-Анджелеса для отслеживания перемещений игроков.

Эта тактика едва ли замедлила кокаиновый шлейф. Рон Картер, новичок из Военного института Вирджинии, пришел в «Лейкерс» в 1978 году и вспомнил потрясающую вечеринку в лос-анджелесском клубе, устроенную для Карима Абдул-Джаббара двумя известными актерами, которые были его суперфанатами, во время которой на столах таинственным образом появлялись миски с коксом.

«Имейте в виду, что мы ничего не знали об этих вещах, — объяснил Пэт Уильямс. — Я помню, мы слышали эту молву, эти слухи, но никто из нас в головном офисе не имел об этом ни малейшего понятия. Я имею в виду, мы и понятия не име-

ли, что происходит. Помню, как-то раз я взял газету и прочел, что Джо Брайанта арестовали в Фэрмаунт-парке».

«Филадельфия» была одной из многих команд, оказавшихся втянутыми в быстро меняющуюся массовую культуру. Дело Мармелада станет одним из первых, которое привлечет внимание общественности к этой проблеме.

«В Филадельфии было много людей, которые беспокоились о нем, потому что он им нравился, и они не хотели видеть, как он летит в тартарары, – объяснил Дик Вайс, который освещал игру «76-х» в ту эпоху. – НБА была переполнена этим. Меня всегда удивляло, что никто их не останавливал в самолетах, летящих в эти города, чтобы играть там. Они везли все прямо с собой».

«Игроки никогда не были открыты для разговоров с журналистами об этом, – продолжил он. – Нам никогда не приходило в голову сделать из этого значимое событие. Теперь, если нечто подобное произойдет, то, вероятно, это будет во всех средствах массовой информации. Тогда это было частью культуры».

Тем не менее арест Брайанта попал в новостные ленты. Этот инцидент привел его в отчаяние, но, в дополнение к тому, что Ричи Филлипс был его адвокатом, у него была еще одна огромная сила, работающая на него, – его отношения с Сонни Хиллом, чья лига была заполнена офицерами по условно-досрочному освобождению и другими должностными лицами из судов.

Гилберт Сондерс объяснил, что Хилл не собирался терять одного из игроков, которых он спас с улиц Филадельфии. Станный характер предварительного слушания Брайанта подтвердил это.

Мармелад появился в зале суда № 285 в мэрии с торжественным видом, в элегантном костюме и небрежно завязанном галстуке. Он тащил на руках свою любимую большеглазую дочурку Шарию в шляпке с оборками. Пэм, волосы которой теперь были коротко подстрижены в стиле пикси, шагала справа от него в облегающем брючном костюме, выглядя как будто на втором месяце беременности. В зале суда их представители сопровождали супругов по проходу. Ричи Филлипс был в костюме-тройке и солнечных очках.

Филлипс собрал двадцать свидетелей, чтобы выступить от имени Брайанта, – неслыханная тактика на предварительном слушании. В списке значились тренер Брайанта и генеральный менеджер команды. Команду только что продали, но давний владелец Ирв Козлофф питал к Мармеладу огромную привязанность и пришел, чтобы выступить от его имени, как и его тренер по легкой атлетике преподобный Юджин Фестус, бывший член знаменитых Гарлемских адских бойцов Первой мировой войны и сам по себе легенда Филадельфии.

Обвинение располагало обилием доказательств, но на слушании дела «Содружество против Джозефа Вашингтона Брайанта III» судья Джей Эрл Симмонс быстро постановил,

что у полиции не было никаких оснований для обыска автомобиля Брайанта. Это было поразительное решение, учитывая действия Брайанта в ту ночь месяцем ранее.

Судья сказал Брайанту: «Я надеюсь, что с этого момента ты будешь вести честную жизнь. Ты занимаешь высокое положение в обществе, и я надеюсь, что ты будешь жить в соответствии с этим... Ты – кумир среди молодежи Филадельфии. Я надеюсь, что ты продолжишь оправдывать это обожание».

«Клуб встал на его поддержку, – вспоминал Пэт Уильямс. – Он был надломлен, но испытал огромное облегчение и благодарность. Я думаю, что это напугало его до смерти».

БРАЙАНТ ЛЕГКО ОТДЕЛАЛСЯ, объявила на следующий день газета «*Делавэр Каунти Таймс*» в заголовке, перепечатанном местными СМИ.

Они сказали, что Мармелад должен был по крайней мере получить пощечину. Как бы то ни было, он «отделался лишь выговором», как писала «*Таймс*».

Официального наказания не будет, но призрак этого инцидента будет преследовать Брайанта на протяжении всей его карьеры. Мармелад придет к выводу, что ему грозило самое страшное наказание, от которого почти не бывает условно-досрочного освобождения.

Однако со временем станет ясно, что решение суда сохранило семью. Если бы не снисходительный судья, Джо Брай-

ант легко мог бы сесть в тюрьму, и, скорее всего, не было бы никакого Коби Бина Брайанта. Фанаты «Лос-Анджелес Лейкерс», скорее всего, никогда не имели бы мегаваттного присутствия того, кто назвал себя Черной Мамбой.

Часть II: Вундеркинд

Глава 6: Коби Бин

В ноябре 1977 года «76-е» шли с победной серией 14–1. Они разбили «Селтикс» в Бостоне, 121:112, в пятницу перед Днем благодарения, затем сели на рейс обратно в Филадельфию на две игры в течение трех дней и записали еще пару побед, в субботу против «Милуоки» и во вторник против «Хьюстона», прежде чем загрузиться рано утром в среду в самолет, чтобы добраться до матча вечером в Детройте, а затем еще один рейс в сам «День индейки».

Где-то посередине этого напряженного графика Джо и Пэм Брайант нашли время, чтобы зачать своего третьего ребенка. Шария родилась в 1976 году, их вторая дочь Шайя – в 1977 году. А затем, ровно через девять месяцев после того, как «Сиксерс» устроили эту серию перед Днем благодарения, их первый и единственный ребенок мужского пола появился на планете, 23 августа 1978 года, сразу после того, как Джо завершил еще одно успешное лето в Лиге Бейкера.

Семейная линия Брайантов восходила к трем Джозефам. У Коксов тоже было три Джона подряд. Но Пэм и Джо ре-

шили назвать своего сына Коби (Kobe¹²), предположительно потому, что во время беременности Пэм они вкусно поели в японском стейк-хаусе в соседнем городе Кинг оф Пруссия, штат Пенсильвания. На самом деле, как они оба объясняли позже, им понравилось звучание этого слова, но они произносили его *Ко-би*, а не *Ко-бе*, как это звучит по-японски.

Не желая полностью отказываться от связей между отцом и сыном, они сделали его второе имя отсылкой на отцовское прозвище: Бин¹³. Коби Бин Брайант.

Как позже скажут некоторые наблюдатели, мир как будто нуждался в дополнительных доказательствах странности этой пары. Но это были семидесятые годы, десятилетие, когда новое поколение вырывалось за рамки традиций прошлого. В конце концов, доктор Патч Адамс, знаменитый доктор-клоун, назовет одного из своих сыновей Атомик Загнут.

Так что Джо и Пэм Брайант были вполне в духе времени, назвав своего сына Коби Бин. В конце концов, они очень любили говядину. И само время докажет, что их выбор идеален для уникальности и маркетинговой привлекательности.

Это достаточно скоро сделает их сына звездой с именно таким уникальным именем.

В самом начале филладельфийские газеты обращались к

¹² Говядина Кобе – это мраморная говядина из японского черного крупного рогатого скота тадзима, выращенного в японской префектуре Хего.

¹³ С англ. Bean, сокращенное от Jellybean – Мармелад.

любым историям о младшем сыне Брайантов, используя оба имени, например: «Молодой Коби Бин показывает многообещающие перспективы как игрок».

Это имя имело смысл, как позже отмечали другие, потому что говядина Коби драгоценна, производится особым способом, выводится, выращивается и обрабатывается так, чтобы стать самым ценным и экзотическим брендом, как и сам Коби Бин Брайант.

Гораздо большее значение, чем имя, имеет генофонд, как заметил Пол Вестхед: «Пэм происходила из спортивной семьи. Пухляш играл. Он не был лентяем. Он был искусен. У него не было такого роста, как у Джо, но он был опытным игроком. Рассуждая о ребенке, который родится от этого союза, можно было бы сказать, что он будет одарен многими талантами».

Помимо ДНК, воспитание великих спортсменов часто начинается с перфекционистских матерей. Пэм Кокс Брайант осталась загадкой, потому что, в отличие от матери Майкла Джордана, Делорис Джордан, Пэм Брайант никогда не писала книг, никогда не украшала собой обложки журналов, никогда не гастролировала по миру в поддержку семьи. Вместо этого она вела скромную жизнь.

В годы становления сына именно ее особый талант к закулисным манипуляциям вызывал восхищение и раздражение семьи и друзей. Судя по всему, она была довольно яркой, привлекательной, обаятельной, утонченной, любящей изыс-

канность и прекрасные вещи, но, как и ее отец, она предпочитала избегать яркого света, который падал на ее сына.

Самым большим доказательством ее склонности к перфекционизму была сама ее семья. Ее выводок из трех детей был хорошо ухожен, одет и воспитан, две дочери и сын с самого раннего возраста были образцовыми в манерах, речи, поведении, осанке, внешности.

«Если бы другие люди воспитывали своих детей так, как Брайанты воспитывали своих троих, у нас было бы много продуктивных людей в этом мире», – заметил Леон Дуглас, товарищ Джо по команде из итальянской лиги, который видел Пэм за этой работой.

Тем не менее семья и друзья отмечают, что именно Коби получил всю силу ее привязанности и внимания, и между матерью и сыном существовала тесная связь.

«Когда у Пэм наконец родился мальчик, она была просто в восторге, – объяснил друг семьи. – Она любила девочек, не пойми меня неправильно, но центром их вселенной был Коби. Может быть, потому, что именно этого хотел Джо, а она хотела сохранить Джо. Он был сыном, в которого они могли вложить все».

Любовь Пэм к Пухляшу в подростковом возрасте оказалась просто тренировкой для главного события – воспитания ее сына.

«Когда родился Коби, Пэм просто засияла, – вспоминал Мо Ховард. – У нее был сын, а до этого любовью всей ее

жизни был Пухляш. Она просто души не чаяла в Пухляше. Теперь для этого у нее был свой собственный сын».

Пэм неустанно культивировала идеальный образ своей семьи. «Что бы ни происходило с ее семьей, нам всегда представлялось, что она совершенна, – объяснил друг семьи. – Я имею в виду, что когда бы она ни говорила о ком-нибудь, это всегда было прекрасно. Она старалась изобразить только одно, что все было прекрасно. Коби. Ее дочери. Все».

Это совершенство включало и поведение самой Пэм, как объясняла подруга. «Она всегда была очень привлекательной, очень милой, очень доступной, очень, очень хорошей, и обе ее дочери были такими же».

Ее подход распространялся и на понятие достижений. Наличие их индивидуальных спортивных талантов никогда не допускалось в качестве какого-либо оправдания для ее детей. Они должны были выполнять свою школьную работу, быть послушными и ответственными.

С первых же дней своей жизни Коби Бин рос в семье, которой восхищались другие, и не только в филладельфийских газетах, но и везде, где бы они ни появлялись.

Пэт Уильямс вспомнила, как Брайанты с гордостью привезли своего маленького сына на «Спектр», арену «Сиксерс»: «Люди спрашивали меня: «Что ты помнишь о Коби Брайанте?» И я бы сказал, что помню его бабушку и дедушку, они укачивают его или везут в детской коляске на игры. Скажем так, он вырос на «Спектре». Первый год его жизни

был связан с «76-ми».

Гилберт Сондерс вспомнил, как наткнулся на Джо, сопровождающего маленького сына, на выходе из лифта после летнего баскетбольного матча. Юный Коби Бин ехал на игрушечном автомобиле.

«Это был мерседес», – со смешком вспомнил Сондерс.

Мармелад был воплощением гордого папы, – когда бы они ни был рядом.

Позже Коби Брайант прославился баскетбольной связью со своим отцом. Но, учитывая известность отца и частые поездки профессионального спортсмена в годы становления сына, было понятно, что самая ранняя и самая близкая связь Коби Бина будет складываться с Пэм Брайант. Его сестры заклеят Коби как неисправимого маменькиного сынка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.